

6 25/100

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХІV.

324
1899

1899.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашевъ и К°, Наб. Фонтанки, д. 95.

1899.

„ПРАВИЛА ПИИТИЧЕСКІЯ“ АПОЛЛОСА БАЙБАКОВА.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка значительнымъ успѣхомъ пользовалось въ русской литературѣ руководство по теоріи поэзіи, составленное профессоромъ поэзіи въ Московской Славяно-греко-латинской Академіи Андреемъ *Байбаковымъ*, бывшимъ впоследствии, по принятіи иночества съ именемъ Аполлоса, архимандритомъ и ректоромъ той же Академіи, а затѣмъ епископомъ орловскимъ, позднѣе архангельскимъ ¹⁾. Названное руководство было первымъ цѣльнымъ печатнымъ курсомъ теоріи поэзіи въ Россіи, если не считать „Епистола о стихотворствѣ“ Сумарокова и разсужденій Тредіаковскаго, не преслѣдовавшихъ полного, систематическаго изложенія теоріи поэзіи ²⁾. Руководство Байбакова переиздавалось въ теченіе свыше пятидесяти лѣтъ, и при жизни автора, и по его смерти († 1801): въ каталогѣ Смирдина означены 10 изданій, отъ 1774 до 1826 г. Какъ учитель Московской Академіи и воспитанникъ ея, онъ писалъ свою книжку прежде всего для воспитанниковъ этой Академіи и примѣнительно къ потребностямъ и практикѣ духовной школы; скоро она вводится въ качествѣ учебника и въ другія школы ³⁾, и вообще

¹⁾ Смирновъ, Исторія Московской Слав.-гр.-лат. Академіи, 355.

²⁾ Въ предисловіи авторъ мотивируетъ появленіе своего труда именно отсутствіемъ подобныхъ сочиненій: „правила г. Тредіаковскаго... рѣдки, неполны и дороги“.

³⁾ По введеніи печатныхъ учебниковъ въ 1776 г. въ Кіевской Академіи, книжка Байбакова употребляется и въ этой послѣдней (*Макарій*, Исторія Кіевской Академіи, 151). Въ Исторіи Тверской духовной семинаріи г. *В. Колосова* (Тверь, 1889, стр. 250) есть указаніе на употребленіе ея въ означенной семинаріи въ 1802 г. Латинскій курсъ Феофана Прокоповича былъ напечатанъ уже послѣ 3-го изданія „Правилъ“ Байбакова.

получаетъ большую извѣстность. Такая судьба книжки, какъ и личность ея автора, одного изъ видныхъ людей ¹⁾, своего времени, дѣлаетъ ее достойною вниманія историка, тѣмъ болѣе, что она относится къ той порѣ, когда теорія поэзіи вообще была въ модѣ и оказывала вліяніе и на критику и на самую литературу.

Интересъ названнаго учебника увеличивается нѣсколько своеобразнымъ положеніемъ его среди различныхъ современныхъ сочиненій по данному предмету. Надо замѣтить, что въ области теоріи поэзіи въ то время можно различить два основныя теченія; различаются они обыкновенно недостаточно ясно, какъ и вообще судьба теоріи поэзіи въ русской литературѣ изучена еще недостаточно, хотя въ силу указаннаго вліянія и представляетъ извѣстный интересъ. Одно изъ этихъ теченій шло изъ Кіевской Академіи въ Московскую Академію и другія духовныя школы; по обычной терминологіи его можно назвать *схоластическимъ*; оно представлено многочисленными курсами „пѣтики“, составленными учителями „поэзіи“ въ этихъ школахъ. Другое теченіе основывалось главнымъ образомъ на французскихъ образцахъ: и на произведеніяхъ французской литературы, и на теоретическихъ сочиненіяхъ; теченіе это связано со свѣтскою русскою литературой, развитіе которой начинается около середины XVIII вѣка, и которая была официально признаваема; его принято называть *ложноклассическимъ*.

И это послѣднее направленіе теоріи поэзіи разработано довольно мало (надо замѣтить, что изученіе исторіи западно-европейскихъ теоретическихъ воззрѣній, лежавшихъ въ основѣ русскихъ теорій, также подвинуто еще незначительно); еще менѣе извѣстны школьныя руководства и курсы, уже потому, что сохраняются они по большей части въ рукописяхъ и рѣдко описаны съ большею или меньшею обстоятельностью. Изданъ едва ли не одинъ только курсъ Теофана Прокоповича, читанный имъ въ Кіевской Академіи на латинскомъ языкѣ въ 1705 году; изданъ онъ значительно позднѣе, въ 1786 г., Георгіемъ Конисскимъ, не съ научными, а съ практическими цѣлями. Всего болѣе свѣдѣній о кіевской школьной пѣтикѣ сообщено Н. И. Петровымъ въ его извѣстныхъ статьяхъ. „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“ ²⁾; немногочислен-

¹⁾ Онъ былъ членомъ Россійской Академіи и помимо своихъ „Правиль Пѣтическихъ“ извѣстенъ сочиненіями и переводами различныхъ книгъ богословскаго и нравственно-назидательнаго характера, а также грамматики. О немъ см. М. И. Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, I, 198—230.

²⁾ Тр. К. Дух. Акад., 1866—1868.

ныя, но весьма цѣнныя указанія и замѣчанія сдѣланы были Н. С. Тихонравовымъ ¹⁾; нѣкоторыя общія свойства схоластической теоріи отмѣчались и другими изслѣдователями, напримѣръ, П. О. Морозовымъ ²⁾, указывавшимъ, подобно названнымъ выше авторамъ, на преобладающее формальное направленіе школьныхъ руководствъ, мало говорившихъ о содержаніи произведеній, а останавливавшихся на внѣшнихъ признакахъ и доходившихъ до смѣшнаго въ этомъ отношеніи. Нѣкоторыя данныя о кievской пiнтикѣ сообщены и пр. Макаріемъ въ „Исторіи Киевской Академіи“.

По приведеннымъ у этихъ изслѣдователей даннымъ можно уже судить до известной степени объ отношеніи между двумя вышеуказанными направленіями; но полной характеристики ихъ не было сдѣлано, не было сформулировано и ихъ взаимоотношеніе; а потому весьма часто различіе между ними не сознается вполне ясно; преимущественно это касается ученія объ отдѣльныхъ родахъ поэзіи, ученія, игравшаго особенно важную роль и пользовавшагося большимъ вниманіемъ. Наиболѣе подчеркнута различіе между указанными направленіями М. И. Сухомлиновымъ, и именно по поводу руководства Аполлоса Байбакова; говоря о послѣднемъ, какъ членѣ Россійской Академіи, и коснувшись между прочимъ, въ числѣ другихъ его сочиненій, „Правилъ пiнтическихъ“, М. И. Сухомлиновъ указываетъ ихъ источники въ теоретическихъ сочиненіяхъ Тредіаковского, который первый вводилъ въ русскую литературу новую западно-европейскую теорію, а съ другой стороны—въ старыхъ схоластическихъ пiнтикахъ, и отмѣчаетъ, что Байбаковъ, заимствовавъ у Тредіаковского перечень родовъ поэзіи и другія частности, остался однако на почвѣ прежней схоластической теоріи въ проведеніи чисто внѣшняго взгляда на поэзію, какъ стихотворное искусство, взгляда, надъ которымъ Тредіаковскій уже возвысился ³⁾. Въ болѣе частное разсмотрѣніе отношенія Байбакова къ обѣимъ направленіямъ и этихъ послѣднихъ другъ къ другу, особенно въ области ученія о свойствахъ отдѣльныхъ родовъ поэзіи, онъ не входитъ.

А. Н. Пыпинъ, указывая на начало *новой* литературы, ложноклассической, около середины XVIII вѣка и противопоставляя ее

¹⁾ Въ статьѣ: Трагедо-комедія Теофана Прокоповича „Владиміръ“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1879, 5; срв. Сочиненія, II, 93—119).

²⁾ Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Сиб., 1880, стр. 98—100.

³⁾ Ист. Росс. Акад., I, 204—206.

старой, однако же относительно школьной литературы скорѣе подчеркиваетъ черты ея сходства, а не различія съ ложноклассическою, видя въ ней подготовку къ послѣдней ¹⁾); въ наукѣ теоріи словесности тѣмъ болѣе: замѣтивъ, что объясненія Тредіаковского были на русскомъ языкѣ „первыми въ своемъ родѣ“, г. Шининъ добавляетъ: „Правда, въ преподаваніи духовныхъ академій уже раньше излагалась реторика и піитика на очень близкихъ основаніяхъ, потому что онѣ также были въ существѣ ложноклассическими“; различіе авторъ видитъ въ томъ, что „во-первыхъ, преподаваемые на латинскомъ языкѣ, онѣ не выходили за стѣны школьныхъ святилищъ, а, во-вторыхъ, не выходили также изъ рамокъ латинско-схоластическаго содержанія и совсѣмъ не знали о дальнѣйшемъ развитіи псевдоклассицизма въ новой европейской литературѣ“ ²⁾), но въ обстоятельное разъясненіе этого различія также не входитъ. Не дѣлаетъ этого и П. И. Петровъ, сообщившій собственно о кievской піитикѣ довольно много данныхъ въ указанныхъ выше статьяхъ.

Изъ другихъ новѣйшихъ изслѣдованій укажу на статью г. Круглага: О теоріи поэзіи въ русской литературѣ XVIII вѣка ³⁾), гдѣ авторъ, касаясь вопроса о пониманіи въ XVIII вѣкѣ общихъ задачъ поэзіи, а отчасти и ученія о родахъ поэтическихъ, одинаково ссылается и на рукописныя школьныя піитики, и на сочиненія, относящіяся къ направлению ложноклассическому.

Разница между обѣими теоріями обуславливалась уже ихъ происхожденіемъ; какъ указано А. П. Шининымъ, схоластическая теорія восходитъ къ болѣе древнему времени, чѣмъ ложноклассическая. Правда, обѣ онѣ имѣють одну общую исходную точку: это—эпоха западно-европейскаго Возрожденія; но пути развитія, а равно и пути перехода ихъ въ русскую литературу были различны. Схоластическая теорія примыкаетъ къ теченію, которое въ болѣе чистомъ видѣ сохраняло преданія литературныхъ теорій XVI вѣка, того, что ближайшимъ образомъ означается терминомъ „Поэтики Возрожденія“; теченіе это было главнымъ образомъ усвоено въ Германіи и поддерживалось по преимуществу въ духовныхъ школахъ, особенно іезуитскихъ;

¹⁾ Ист. Русск. Словесности, III, 431: „античная подкладка псевдоклассицизма была знакома тѣмъ, кто проходилъ кievскую и московскую академическую школу“.

²⁾ Тамъ же, 447—448.

³⁾ Изъ Отчета училища св. Анны, 1892—1893 г.

отсюда оно перешло въ Польшу, а при устройствѣ Кіевской Академіи по образцу латинскихъ школъ запада и при усвоеніи ею ихъ программъ и методовъ преподаванія была принята въ пей и укрѣпившаяся у іезуитовъ теорія поэзіи; она изучалась, какъ извѣстно, въ особомъ классѣ поэзіи. При этомъ оставался въ силѣ авторитетъ старыхъ теоретическихъ сочиненій XVI вѣка, и составители новыхъ руководствъ нерѣдко обращались непосредственно къ нимъ, какъ къ своимъ источникамъ; къ XVI вѣку относятся три главныхъ сочиненія этого рода: „De arte Poetica“ Іеронима *Виды*, „Poetices libri VII“ Юлія Цезаря *Скаптера* и „Institutio Poetica“ іезуита Іакова *Понтана* ¹⁾; русскіе кіевскіе курсы послѣднія два изъ названныхъ сочиненій цитируютъ нерѣдко и относятся къ нимъ, какъ къ величайшимъ авторитетамъ. Перейдя изъ Італіи во Францію, поэтика Возрожденія получила тамъ дальнѣйшее развитіе и съ тѣмъ вмѣстѣ подверглась значительнымъ измѣненіямъ; этотъ процессъ продолжается до половины XVIII вѣка, когда французская теорія, называемая ложноклассическою, является въ законченномъ, систематическомъ видѣ въ трудѣ аббата *Battéux* ²⁾, извѣстная стихотворная поэтика *Boileau*, *L'art poétique* (1674 г.), въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще связана со старою поэтикою Возрожденія ³⁾. Ложноклассическая теорія распространяется изъ Франціи также по другимъ странамъ Европы; главными авторитетами являются *Корнель*, *Буало*, *Батте*, а позднѣе еще *Вольтеръ*. Въ Россіи начало ложноклассической теоріи, критики и литературы полагаютъ *Тредіаковский* (особенно переводомъ, піитики *Буало*), *Ломоносовъ*, *Сумароковъ* и учредители новаго театра, на французскій образецъ.

Имѣя въ виду разсмотрѣть вышеупомянутый учебникъ *Байбакова*, я не задаюсь въ настоящемъ очеркѣ цѣлью вполне характеризовать оба направленія, ихъ судьбу въ русской литературѣ и взаимоотношеніе; но, опредѣляя источники названнаго учебника и его мѣсто среди этихъ направленій, я долженъ буду въ извѣстной степени коснуться этого вопроса, насколько поводъ къ тому даетъ самъ учебникъ.

¹⁾ Cf. K. *Borinski*, Die Poetik der Renaissance und die Anfänge der literarischen Kritik in Deutschland (Berlin, 1886), 14.

²⁾ Principes de la littérature. У меня подъ руками „Nouvelle édition“, vol. 1—5, 1764 г.—Русскій переводъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями сдѣланъ *Дм. Облеуховымъ*: Начальныя правила словесности, т. 1—4. М. 1807.

³⁾ Ср. *Borinski*, op. cit., 328.

Мнѣ знакомы два изданія книжки: первое (1774) и четвертое (1790). Существенной разницы между ними нѣтъ; въ 4-мъ изданіи приведено гораздо болѣе примѣровъ, главнымъ образомъ изъ книгъ, написанныхъ самимъ авторомъ послѣ перваго изданія ¹⁾; многія стихотворенія, особенно собственнаго сочиненія, приведены въ выдержкахъ или даже цѣликомъ ²⁾).

Первое изданіе носитъ слѣдующее заглавіе: „Правила Пѣттическія въ пользу юношества, обучающагося въ Московской Славено-греко-латинской академіи въ Законошаскомъ монастырѣ. Выбранныя и въ Вольномъ Россійскомъ Собраніи, что при Императорскомъ Московскомъ Унивѣрситетѣ одобренныя. Собралъ изъ разныхъ мѣстъ Моск. Ак. Поезіи Учитель и тогожъ Собранія Почетный Членъ Андрей Байбаковъ“ 1774 года ³⁾).

Заглавіе 4-го изданія: „Правила Пѣттическія, о стихотвореніи Россійскомъ и Латинскомъ со многими противъ прежняго прибавленіями: съ приобщеніемъ Пѣттико-Историческаго Словаря... и при концѣ отборныя Пуб. Виргилія Марона стихи. Въ пользу юношества, обучающагося Поезіи въ Московской Славено-греко-латинской Академіи, и для всѣхъ Россійскаго Стихотворенія Любителей“. Съ этимъ послѣднимъ почти буквально совпадаетъ заглавіе 3-го изданія.

Руководство Байбакова дѣлится на два „члена“.

Членъ первый (по первому изданію стр. 5 — 20), не имѣющій особаго заглавія, посвященъ общимъ вопросамъ о поэзіи; второй (стр. 21—32) озаглавленъ: „О разныхъ поэзіи видахъ“.

Въ началѣ изложенія находимъ опредѣленіе поэзіи: „*поэзія*, или *стихотворство* есть наука всякую вещь или данную матерію, метрически, или по мѣрѣ стопъ описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ къ пользѣ и увеселенію слушающихъ или читающихъ“. Далѣе опредѣляются понятія поэмы, поэта, пѣттики: „Поета, пѣтца, пѣтца“ — „писатель стихотворческихъ сочиненій“; *поэма* — „са-

¹⁾ Евгеонитъ, или созерцаніе въ натурѣ видимыхъ Божіихъ дѣлъ. М. 1782. Нѣкоторыя свидѣнія объ этой книгѣ у М. И. Сухомлинова, назв. соч., I, 211—214. Вѣра, Надежда и Любовь, ученія Богословскаго составъ. М. 1782.

Кто есть истинный другъ, яносказательное съ правоученіемъ описаніе. М. 1783.

²⁾ Судя по приписаннымъ у М. И. Сухомлинова выдержкамъ изъ 3-го изданія (1785 г.), которымъ онъ пользовался, можно думать, что 3-е и 4-е изданіе были вполне или почти тождественны.

³⁾ Въ выдержкахъ изъ учебника Байбакова сохраняю правописаніе автора.

мое сочиненіе; а наука сочинять поемы—поэзія, піитика или стихотворство“.

Такое основное опредѣленіе поэзіи и такое пониманіе ея существенныхъ чертъ и задачъ — вообще въ духѣ старыхъ руководствъ по теоріи поэзіи: оно близко къ тѣмъ, какія мы находимъ въ піитикахъ и ложноклассическихкихъ и схоластическихкихъ. Понятія вымысла, подражанія, стихотворной формы, далѣе—пользы и увеселенія читателей — всегда фигурировали у теоретиковъ поэзіи, хотя въ самое опредѣленіе и не всегда вводились. Но въ опредѣленіе Байбакова не входитъ одно понятіе, обычное у теоретиковъ ложноклассицизма, именно подражаніе *природѣ*. Отсутствие такого ограниченія понятія подражанія, отличая Байбакова отъ ложноклассиковъ, съ другой стороны сближаетъ его съ авторами піитикъ старой Кіевской Академіи и очевидно явилось у него по наслѣдству отъ послѣднихъ. Московская Академія, устранившаяся по образцу Кіевской, усваивала методы преподаванія и научныя воззрѣнія и вообще организацію, господствовавшія въ ней ¹⁾. Вполнѣ естественно ожидать въ Московской школѣ подражанія Кіеву и въ области преподаванія піитики, одной изъ весьма важныхъ и любимыхъ дисциплинъ старой Академіи, между прочимъ и со стороны Байбакова, преподававшего „поэзію“ въ Московской Академіи. Что касается кіевскихъ піитикъ, то, кромѣ указаній и выдержекъ, приводимыхъ въ изслѣдованіяхъ, касающихся этого предмета ²⁾, я имѣлъ подъ руками цѣльные курсы: печатный—піитики Θεοφана Прокоповича, и рукописный—Лаврентія Горки (на латинскомъ же языкѣ ³⁾); послѣдній былъ уже цитированъ Н. С. Тихомировымъ въ извѣстной статьѣ о „Владимирѣ“ Прокоповича. Надо замѣтить, что Горка очень близокъ къ Прокоповичу и мѣстами дословно его повторяетъ.

Самый приѣмъ — начинать изложеніе съ опредѣленія понятій поэзіи, поэмы, поэта—мы находимъ въ этихъ кіевскихъ образцахъ. Что касается *подражанія*, то употребляя это слово (какъ неизмѣнно употребляли его всѣ теоретики, слѣдуя древнимъ, главнымъ образомъ Аристотелю и Горацию), они почти не говорятъ о подражаніи природѣ, мысль о которомъ столь выдвигается хотя бы у Boileau ⁴⁾;

¹⁾ *Смирновъ*, назв. соч., 78 сл.

²⁾ См. выше.

³⁾ *Idea artis poeseos*, 1707 г. (рукопись Кіевской Духовной Академіи, о. 4, 7).

⁴⁾ Говоря ближайшимъ образомъ о русской литературѣ, я могу тѣмъ не менѣе сослаться и на главные кодексы западной піитики, главнымъ же образомъ

вмѣсто того они прямо говорятъ о подражаніи *образцамъ*; очевидно введеніе понятія подражанія имѣетъ чисто школьное значеніе: „*imitatio*“ есть простое руководящее правило для обучающихся поэзіи, которые должны подражать прежнимъ, признаннымъ образцовыми, поэтамъ ¹⁾. Вообще же о подражаніи они не распространяются, а болѣе выдвигаютъ понятія вымысла и стиха (*fictio et carminis artificium*).

Для Байбакова и вымыселъ и подражаніе не имѣютъ особо важнаго значенія; это видно уже изъ даннаго имъ опредѣленія, которое прежде всего говоритъ о метрическомъ описаніи „всякой вещи“. Далѣе говорится о матеріалѣ поэзіи: „матерія поэзіи состоитъ въ дѣйствіяхъ человѣческихъ истинныхъ или вымышленныхъ и во всѣхъ вещахъ, чувствамъ подлежащихъ“. Правда, затѣмъ опять упоминается про вымыселъ и подражаніе: „*сущность* поэзіи и душа состоитъ въ замысловатой выдумкѣ (*in fictioe*), пользу приносящей, и въ подражаніи, по стопамъ измѣряемому“. Но какъ точнѣе понимать здѣсь оба выраженія, въ какомъ отношеніи между собою должны находиться начала подражанія и вымысла, не объясняется; а въ дальнѣйшемъ авторъ больше не занимается ими, сводя всѣ общія замѣчанія о поэзіи къ правиламъ просодіи, стихотворства, къ этому „измѣренію стопъ“. И въ этомъ отношеніи онъ расходится съ ложноклассическими теоретиками, посвящающими общую часть своей поэтики замѣчаніямъ о характерѣ и сущности подражанія природѣ, о содержаніи поэтическихъ вымысловъ; таковы разсужденія Voileau о вѣрности здравому смыслу, о правдоподобіи, Batteux объ изящной природѣ ²⁾.

на сочиненія Voileau и Batteux, мысли которыхъ, благодаря переводамъ и подражаніямъ, усваивались образованными русскими людьми и оказывали вліяніе на нашу литературу. У насъ о „подражаніи естеству“ говорилъ уже Тредіаконскій („Предвѣщаніе“ къ Тилемахидѣ).

¹⁾ Прокоповичъ, *De arte poetica*, lib. III, cap. 9 (*De imitatione*). Подражаніе природѣ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ нѣтъкѣ 1698 г., „*Luga*“, но это понятіе для автора имѣетъ другое значеніе, чѣмъ для Voileau; подражаніе природѣ то же, что „вымыселъ“ (ср. у Прокоповича: *fictio seu imitatio*, lib. III, c. 3), и выводъ ложноклассической теоріи о правдоподобіи изображенія, отсюда не дѣлается.

²⁾ На русскомъ языкѣ ложноклассическій въ своей основѣ „Словарь древней и новой Поэзіи“ (Остолопова, изданный уже въ 1821 году, вслѣдъ за французскими учителями разсуждаетъ объ изящной природѣ и о подражаніи ей, о правдоподобіи (II, 404); опредѣляетъ поэзію, какъ вымыселъ, основанный на подражаніи природѣ изящной и выраженный словами, расположенными по извѣстному

Кіевскія руководства не развиваютъ этихъ мыслей; они трактуютъ въ своей общей части о различныхъ „украшеніяхъ“ слога, о сравненіяхъ, аллегоріяхъ, олицетвореніяхъ и т. п., о всевозможныхъ риторическихъ приемахъ ¹⁾; къ этимъ украшеніямъ и частностямъ они и сводятъ „вымыселъ“, устанавливая такимъ образомъ для него схемы.

Вайбаковъ опускаетъ и эти разсужденія; сходится же онъ съ кіевскими авторами въ томъ, что сосредоточиваетъ вниманіе также на вышнихъ приемахъ изложенія, правда, на другой сторонѣ дѣла, на просодіи. Впрочемъ и старая схоластическая поэтика хотя не въ этомъ мѣстѣ, но въ другихъ трактовала немало о стихосложеніи и придавала весьма важное значеніе въ поэзіи стиху ²⁾; развитіе школьныхъ стихотворческихъ упражненій фактъ общезвѣстный. Такимъ образомъ Вайбаковъ, излагая здѣсь ученіе о стихосложеніи, оставался вѣренъ духу схоластической поэтики.

Историческая пора, когда преподавалъ и писалъ Вайбаковъ, заставила его сдѣлать шагъ впередъ, сравнительно съ кіевскими руководствами: послѣдніи имѣли въ виду прежде всего стихи латинскіе и примѣры брали изъ латинскихъ произведеній, но затѣмъ все болѣе обращали вниманіе на стихи польскіе, съ примѣрами изъ польскихъ поэтовъ, а потомъ и на русскіе, давая имъ все болѣе и болѣе мѣста

размѣру (II, 400); главную же сущность поэзіи видитъ не въ стихѣ, а въ „вымыслѣ или творествѣ, подражающемъ изыщной природѣ“ (II, 403). Уже первый переводчикъ Буало старался объяснять поэзію не какъ одну стихотворную форму, и М. И. Сухомлиновъ справедливо указываетъ, что въ этомъ случаѣ Вайбаковъ сдѣлалъ шагъ назадъ, придерживаясь старыхъ школьныхъ теорій и отказавшись слѣдовать Тредіаковскому. Въ мою задачу въ настоящее время не входитъ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ разсужденій ложноклассической поэтики: я лишь отмѣчаю (и здѣсь, и ниже) пункты и вопросы, выдвигаемые въ ней и игнорируемые разбираемыми „Правилами“, а по большей части и вообще школьною поэтикой.

¹⁾ *Comparatio, laudatio, vituperatio; fabula; приемы descriptionis et narrationis* (Прокоповичъ, lib. I, с. 7—8); образцомъ и авторитетомъ служитъ *Aphthonius vorhiata*; такимъ образомъ здѣсь поэтика тѣсно связывается съ риторикой.

²⁾ Ложноклассическія теоріи, хотя и считали стихъ нецрѣмѣнною принадлежностью поэзіи, правилами стихотворства не занимались; такъ въ наиболѣе авторитетныхъ западныхъ теоріяхъ, Буало и Батте. Изъ русскихъ, уже довольно позднихъ подражателей Батте, Рижскій, дополнившій впрочемъ свою „Науку стихотворства“ (С.-Пб., 1811) изъ другихъ, болѣе новыхъ, источниковъ, вводитъ нѣкоторыя замѣчанія о ритмѣ, римѣ, о сладкозвучіи, о нѣкоторыхъ стихахъ, но—что для насъ въ данномъ случаѣ является любопытнымъ—отсылаетъ читателей по этому вопросу къ руководству Вайбакова, не вдаваясь самъ въ подробности (стр. 26).

и наконецъ поставивъ ихъ на ряду съ латинскими ¹⁾. Но нашъ авторъ, писавшій въ пору, когда русская поэзія развилась и пользовалась славой, уже перемѣщаетъ центръ своего вниманія: онъ имѣетъ въ виду русское стихотворство по преимуществу и примѣры беретъ изъ русскихъ поетовъ. Въ Московской Академіи упражненія въ стихотворствѣ на русскомъ языкѣ ставились очевидно уже не ниже латинскихъ. Не рѣшившійся вполнѣ устранить изъ своего руководства латинской просодіи, Байбаковъ однако отвелъ ей второе мѣсто, въ видѣ прибавленія въ концѣ книги. Въ русскомъ языкѣ, согласно уже утвердившемуся обычаю, Байбаковъ признаетъ лишь тоническое стихосложеніе: „мнѣніе тѣхъ, которые хотятъ, дабы стихи наши сочиняемы были по подобію Латинскихъ и Греческихъ, принято быть не можетъ; ибо мы не имѣемъ прозодіи или словъ-ударенія количественнаго, (quantitativam), но одну *Тоническую, или ударятельную*“ (стр. 6). Ниже впрочемъ онъ добавляетъ, правда очень краткія, замѣчанія „о стихахъ, слогами бывающихъ“ ²⁾.

Усвоивъ идею тоническаго стихосложенія, Байбаковъ и дальнѣйшія свои правила позаимствовалъ изъ разсужденія своего предшественника въ дѣлѣ теоретическаго обоснованія этого стихосложенія въ русской литературѣ, изъ „Способа къ сложенію россійскихъ стиховъ“ (главнымъ образомъ изъ 2—5 главъ).

Примѣры, какъ въ ученіи о стихосложеніи, такъ и во второмъ „членѣ“ руководства, берутся изъ сочиненій главныхъ русскихъ писателей того времени: Тредіаковскаго, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и др. Кроме того, въ позднѣйшихъ изданіяхъ они берутся авторомъ изъ стиховъ духовнаго содержанія, находящихся въ его собственныхъ сочиненіяхъ: „Евгеоніа“, „Вѣра, Надежда и Любовь“, „Кто истинный другъ“; приводятся также стихотворенія, по тому или другому поводу сочиненныя въ духовной школѣ: очевидно, тамъ вошли уже къ этому времени въ моду также тоническіе стихи; таковы, на примѣръ, стихи „на пришествіе въ Лавру“.

Ученіе о стихѣ, о стопахъ, строфѣ, рیمѣ, цезурѣ въ общемъ повторяетъ Тредіаковскаго, съ незначительными отличіями, не касающимися сущности дѣла (на примѣръ, у Тредіаковскаго различные виды стиховъ распределены сперва по количеству стопъ въ стихѣ, а за-

¹⁾ Н. И. Петровъ, Т. К. Д. А., 1866—1867, 322—330.

²⁾ По указанію Н. И. Петрова, уже до Байбакова кievская піітка 1767 г. сознательно излагаетъ теорію тоническаго стиха (Т. К. Д. А., 1866—1867, 330).

тѣмъ по ихъ качеству: гексаметръ хоренческій, ямбическій, дактило-хоренческій и т. п., далѣе пентаметръ тѣхъ же видовъ, тетраметръ и т. д.; у Вайбакова наоборотъ, прежде разсматриваются стихи хоренческіе: гексаметры, пентаметры и т. д., далѣе ямбическіе стихи тѣхъ же видовъ, дактило-хоренческіе и т. д.). Изъ того же, а также и изъ другихъ сочиненій Тредіаковскаго взяты и многіе примѣры (напримѣръ, для образца хоренческихъ стиховъ выписано стихотвореніе Тредіаковскаго о Себѣ и Музахъ ¹⁾); кромѣ того, примѣры авторъ почерпалъ изъ Сумарокова, Ломоносова, а въ позднѣйшихъ изданіяхъ изъ своихъ собственныхъ сочиненій; между прочимъ, онъ упражнялся въ сочиненіи русскихъ гексаметровъ и пентаметровъ, повторяя вслѣдъ за Тредіаковскимъ мысль о сродности нашего языка къ этому рода стихамъ. Такъ онъ приводитъ изъ книги „Вѣра, Надежда, Любовь“ довольно большую выдержку (4-е изданіе, стр. 23):

Воспряни отъ сна, о душе! и потщися узнати
 Непонятныхъ судьбъ истину и глубину...
 Душу небесную кто тебѣ далъ сопряженную съ тѣломъ,
 Со смиреніемъ духомъ того почитай.
 Не устами жъ Его почитать, но потщися ты дѣломъ,
 И на дѣла Его благоговѣнно взирай...
 Тако, о смертный! дѣла Всевышняго гдѣ созерцаю,
 Зла потщися убѣгать, мыслью горѣ возводи,
 И всѣ намѣренія устремивъ ко Творцу, такъ зывая:
 Боже! настави меня, въ мудрыхъ совѣтахъ блюди!

Кромѣ этого гексаметра и пентаметра по преимуществу, то-есть, дактило-хоренческаго, находимъ взятые также изъ сочиненій автора анапесто-ямбическіе гексаметры съ пентаметрами (въ сочиненіи ихъ онъ очевидно слѣдовалъ Тредіаковскому, который указывалъ, что этого рода стихи недавно еще изобрѣтены, но защищали ихъ употребленіе); примѣръ изъ того же сочиненія (4 изд., стр. 26):

Мы во тьмѣ и во мракѣ живемъ, подобномъ слабому свѣту,
 И ты, о Боже, насъ потщися отъ тьмы свободить.
 Въ нощи намъ грѣховной здѣ благодати сіянія нѣту;
 Ты Единъ солида свѣтъ даждь съ Тобою день намъ проводить,
 И насъ спящихъ недремлющимъ промысломъ Твоимъ защищая,
 Прогони въ такомъ снѣ намъ злостно вредящихъ враговъ...

Изъ „Евгеонита“ приведены примѣры „сафійской“ и „горацианской“ строфъ, кромѣ тѣхъ же примѣровъ, что даны и у Тредіаковскаго.

¹⁾ Тредіаковскій, тамъ же, I, 152.

Вотъ одна изъ трехъ строфъ сафическихъ, приведенныхъ въ учебникѣ:

Боже могущество все являетъ,
И дѣла его небо открываетъ,
Кто въ познаніи его углубится,
Тотъ удивится.

Одна изъ трехъ строфъ „гораціанскихъ“:

Плодоносны Онь ¹⁾ времена дасть,
Источникъ любви намъ своей лить,
Онь свѣтомъ планетъ землю озаряетъ,
И промышляетъ.

Кромѣ указанныхъ, находимъ еще примѣръ изъ школьныхъ „стиховъ на пришествіе въ Лавру“, очевидно сочиненныхъ въ Троицкой Семинаріи, ректоромъ которой состоялъ одно время Байбаковъ:

Кую радость нынѣ нашъ Радонежъ имѣетъ,
Точно не явить перо, слово не довлѣетъ.
Развѣ бы уста сердца въ языкъ былъ данный,
Лучше бы сказать могли, день тотъ коль желанный!...

Но особенно любопытны въ позднѣйшихъ изданіяхъ ссылки на народныя пѣсни и примѣры изъ нихъ; на эту черту было уже указано (по 3-му изданію) М. И. Сухомяновымъ. Въ видѣ примѣчанія къ перечисленію стонъ авторъ замѣчаетъ, что „на всѣ упомянутыя здѣсь роды стиховъ безъ трудности можно находить примѣры въ простыхъ Русскихъ пѣсняхъ“ (4-е изд., стр. 10); сдѣлавъ еще два подобныхъ примѣчанія къ отдѣламъ о хореическомъ и ямбическомъ стихахъ, въ отдѣлѣ о дактило-хореическомъ стихѣ онъ замѣчаетъ, что „по склонности Россійскаго языка къ стихамъ Дактило-Хореическимъ, есть также у насъ четырехстопные, тристопные и двустопные Дактило-Хореическіе; и къ обогащенію Россійскаго стихотворенія полезно было бы, ежели бы кто изъ славнѣйшихъ въ учености мужей поставился дать имъ новой въ правилахъ видъ и привести въ силу“ (стр. 24); эти свои мысли Байбаковъ основываетъ на практикѣ „невинныхъ пѣсенъ“, изъ которыхъ и „предлагаетъ примѣрцы“:

У до | роднова | доброва | молодца
Приу | ныло да | рети | во сердце (тетраметръ);

или:

Ельникъ мой | ельникъ
Частой бе | резникъ (диметръ).

¹⁾ То-есть, Богъ.

Подобное же примѣчаніе сдѣлано имъ и по поводу анапестоямбическихъ стиховъ, гдѣ также приведены „примѣрцы изъ историческихъ пѣсенъ“¹⁾. Послѣ разсужденія о строфѣ добавлено такое же замѣчаніе о родахъ строфъ „въ напечатанныхъ Россійскихъ простыхъ пѣсняхъ“, и высказывается мысль, что приведеніе ихъ „въ свою силу и непремѣняемая правила“ обогатило бы „стихотворную Россійскую науку“. Повидимому, Байбаковъ зналъ первые сборники русскихъ пѣсенъ, появившіяся въ то время въ печати, и обратилъ на нихъ вниманіе; онъ является однимъ изъ первыхъ, серьезно отнесшихся у насъ къ народной пѣснѣ, и едва ли не первый находилъ, что и теорія поэзіи должна обратить вниманіе на нее и найти въ ней для себя обогащеніе; эта черта заслуживаетъ упоминанія.

Глава „о стихахъ, слогами бывающихъ“, указываетъ три рода силлабическихъ стиховъ (13, 11, и 9-сложные), сводитъ ихъ къ гексаметру, пентаметру и тетраметру, однако неправильнымъ по своему составу, и заканчивается замѣчаніемъ, что такими стихами писали прежніе стихотворцы, но теперь они оставлены, потому что болѣе походятъ на прозу; приводятся краткіе примѣры (1 изд., стр. 16—17); въ 4-мъ изданіи для примѣра приведены стихи Ософана Проконовича („Не знаю, кто ты, пророче рогатый“) и начало стихотворенія, сочиненнаго „при заведеніи Московской... здѣшной Академіи въ 1685 году учителемъ монахомъ Медвѣдевымъ“:

„Нѣсть дано людямъ совершенно знати,
Кто отъ нихъ сосудъ духа благодати“...

Однако традиція стараго силлабическаго стихотворенія, повидимому, не совсѣмъ вывелись въ духовной школѣ; отголоскомъ ихъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ объяснить наставленіе Байбакова, добавленное имъ къ почерпнутымъ у Тредіаковскаго правиламъ: „беречься должно, дабы не положить ударенія, противъ силы, вмѣсто, наиримѣръ, *слава, слава, милости—милости* проч.“ (стр. 7).

Въ ученіи о строфѣ²⁾ отступленіе отъ Тредіаковскаго лишь въ допущенія, что „иногда строфа бываетъ одна *Адоническая*“:

Суетень будешь
Ты человекъ,
Естьли забудешь
Краткій свой вѣкъ...

(Изъ Сумарокова).

¹⁾ См. у М. И. Сухомянова, н. соч., 207—208.

²⁾ Тредіаковскій, способъ..., гл. V, членъ III.—Байбаковъ, стр. 17—19.

Второй „членъ“ руководства, соотвѣтственно заглавію, трактуетъ объ отдѣльныхъ родахъ поэзіи. Предпославъ этому предмету краткое замѣчаніе о происхожденіи поэзіи и стиховъ, представляющее значительное сокращеніе разсужденія Тредіаковскаго въ его „Мнѣніи о началѣ поэзіи и стиховъ вообще“¹⁾, авторъ упоминаетъ главные роды поэзіи, которыхъ онъ считаетъ три: „поэзія есть тройкая: *Повѣствовательная*, въ которой Пінта говоритъ одинъ, другихъ лицъ не вводя, разнѣромъ стихотворческимъ съ вѣроятною выдумкою“; эта поэзія, какъ свои подраздѣленія, „содержитъ въ себѣ Елегическую, Лирическую и Епиграмматическую. *Драматическая*, въ которой Стихотворецъ, самъ какъ бы ничего не говоря вводитъ разговоры другихъ лицъ, или со всѣмъ ихъ дѣйствіемъ, тѣлодвиженіемъ и одѣяніемъ; или вообразительно. Содержитъ въ себѣ Комическую и Трагическую“. Третій родъ поэзіи не есть, строго говоря, нѣчто новое сравнительно съ двумя первыми и представляетъ только соединеніе ихъ, нѣчто среднее между ними, какъ крайностями: это *смѣшанная* поэзія, которая „содержитъ въ себѣ повѣствовательную и Драматическую, то есть, когда и самъ Стихотворецъ говоритъ, и другихъ вводитъ разглаголющихъ. Такая, на примѣръ, есть Героическая, Георгическая, Буколическая и Сатирическая, проч.“.

Такая классификація формъ поэзіи довольно любопытна. Прежде всего надо замѣтить, что она отличается отъ той системы, которая выработывалась постепенно ложноклассическою теоріей и строилась

¹⁾ Приведу слова Байбакова: „Поэзія начало свое ведетъ отъ Ювала, нашедшаго дѣвницу и гусли, или Поэзію и Музыку; болѣе употребляема была пастухами, которыхъ жизнь превосходнѣйшею почиталась предъ земледѣльцами; во время потопа сохранена пребыла она Ноевыми дѣтьми, отъ коихъ послѣ пребывала въ пастушеской жизни, и по столпотвореніи разсѣялась по всему свѣту. Но когда люди не имѣли обществъ и городовъ и жили на подобіе дикихъ звѣрей, тогда мудрѣйшіе мужи за нужно почли собрать людей въ одно мѣсто и тѣмъ отвратить всю погибель; почему нужду имѣли ихъ уговорить къ тому совѣтамъ, которыхъ не можно было давать безъ важности и пріятства слова; сіи-то двѣ принадлежности подали случай найти разность словъ: а слѣдовательно и самыя стихи, которые по разности человѣческихъ силъ должны были составлены быть шестистопные и не болѣе (ибо болѣе человѣческому духу не удобно проговорить) пятистопные, четырестопные и проч., и такъ Поэзія со стихами отъ Еврей перешла къ Грекамъ, отъ коихъ въ болѣе приведена совершенство, отъ нихъ къ Римлянамъ, и такъ далѣе. И сіе есть краткое извѣстіе о началѣ Поэзіи и стиховъ“ (стр. 21—22). Ср. „Сочиненія и переводы“ Тредіаковскаго, С.-Ил., 1752, т. I, 162—167.

на болѣе внутреннихъ признакахъ; я разумѣю дѣленіе поэзіи на эпосъ, лирику и драму съ ихъ видами. Окончательно эту систему ложноклассическіе теоретики еще не выработали. Буало вовсе не даетъ систематической классификаціи, просто перечисляя виды поэзіи, въ этомъ отношеніи оставаясь вѣрнѣе поэтикѣ Возрожденія; Батто, кромѣ драматической поэзіи, вводитъ уже родовое понятіе поэзіи лирической, подводя подъ него оду и элегію; но эпопею, басню, эклогу онъ рассматриваетъ отдѣльно (см. 2-й томъ его книги), не объединяя еще ихъ понятіемъ эпической поэзіи¹⁾.

Та группировка видовъ поэзіи по тремъ главнымъ родамъ, которую мы находимъ у Байбакова, въ логическомъ отношеніи правильна, такъ какъ произведена на основаніи одного признака; признакъ этотъ, правда, слишкомъ вышній; благодаря дѣленію на его основаніи, въ одинъ разрядъ относились произведенія, значительно разнившіяся по своимъ внутреннимъ признакамъ: „повѣствовательная“ поэзіи прежде всего заключала въ себѣ то, что потомъ было объединено понятіемъ лирики; сюда же относилось и всякое (стихотворное) повѣствованіе, поскольку въ немъ не приводилось подлинныхъ словъ дѣйствующаго лица; поскольку же приводилось, оно относилось къ разряду „смѣшанной“ поэзіи.

Въ старыхъ кievскихъ руководствахъ, такъ же, какъ и у Буало, виды поэзіи не сводятся къ извѣстному числу главныхъ родовъ, да и вообще вопросъ о классификаціи поэтическихъ формъ ступе-

¹⁾ Русскій переводчикъ Батто уже дѣлаетъ это, видоизмѣняя такимъ образомъ на свой страхъ подлинникъ. Заслуживаетъ вниманія, что общепринятая система родовъ и видовъ поэзіи довольно позднего происхожденія; въ XVIII вѣкѣ она лишь намѣчается, да и въ началѣ XIX в. далеко не всею усвоена. „Наука Стихотворства“ Рижскаго (С.-Пб., 1811), основанная главнымъ образомъ на курсѣ „Батто“, слѣдуетъ русскому переводу послѣдняго и въ классификаціи; но Рижскій указываетъ, кромѣ принимаемаго имъ „извѣстнѣйшаго раздѣленія стихотвореній“, и другое: „нѣкоторые писатели правилъ стихотворства, принявъ за основаніе то, что предметомъ стихотвореній бываетъ что нибудь иногда предлагаемое воображенію, иногда же представляемое нашему взору, раздѣляютъ всѣ стихотворенія на два главныхъ рода, то-есть, на Эпическія и Драматическія; относя къ первымъ всѣ тѣ произведенія сего искусства, въ которыхъ стихотворецъ бываетъ личнымъ и непосредственнымъ наставникомъ нашимъ, такъ что предлагаемое имъ мы слышимъ, а не видимъ; а ко второму тѣ, въ которыхъ мы слышимъ не стихотворца, но тѣхъ самыхъ, о коихъ идетъ рѣчь“ (стр. 66—67). Можетъ быть, авторъ имѣлъ въ виду именно учебникъ Байбакова, вообще ему извѣстный (срв. приведенную выше его ссылку).

ывається: у Феосфана Прокоповича, послѣ пространныхъ разсужденій объ упражненіяхъ въ писаніи стиховъ, о риторическихъ приемахъ и украшеніяхъ, о подражаніи прежнимъ поэтамъ, рѣчь идетъ прямо „de poesi epica et grammatica“ (2-ая книга курса); далѣе „de bucolica, satyrica, elegiaca, lyrica et epigrammatica poesi“ (3-ая книга), такъ что понятіе лирической поэзіи стоитъ на ряду съ понятіями поэзіи героической, буколической, элегической и т. п. ¹⁾). Трудно сказать, когда начали проводить такую классификацію поэзіи, которую мы находимъ у Байбакова; но во всякомъ случаѣ это уже дѣлалось въ школьной теоріи до него и засвидѣтельствовано для сороковыхъ годовъ XVIII вѣка рукописью: „Institutiones artis poeticae“, которое служило учебникомъ въ Троицкой лаврской семинаріи, и которому, какъ находитъ М. И. Сухомлиновъ ²⁾, слѣдовалъ въ этомъ отношеніи нашъ авторъ.

Послѣ общаго раздѣленія поэтическихъ формъ авторъ переходитъ къ болѣе обстоятельной характеристикѣ указанныхъ имъ формъ поэзіи, именно тѣхъ болѣе частныхъ видовъ, которые были поименованы имъ, какъ подраздѣленія главныхъ родовъ. Прежде всего онъ касается „эпиграмматической поэзіи“; въ самомъ началѣ разсужденія авторъ относитъ къ области поэзіи такія вещи, которыя не подходятъ подъ сдѣланное имъ самимъ общее опредѣленіе поэзіи; въ этой „поэзии подписей“, въ приведенныхъ имъ же примѣрахъ, трудно найти „подражательный вымыселъ“, хотя именно при опредѣленіи понятія повѣствовательной поэзіи (куда относится и эпиграмматическая) онъ опять упомянулъ „вѣроятную выдумку“. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чисто школьнымъ представленіемъ о тождествѣ поэзіи и стихотворной формы; такое пониманіе дѣла ясно отражается на господствовавшихъ въ нашихъ духовныхъ школахъ упражненіяхъ въ стихотворствѣ, въ которыхъ все сводилось къ внѣшней формѣ; вспомнимъ различные курьезные стихи, которые относились именно къ области эпиграммы ³⁾, и которые любили писать въ старой школѣ ⁴⁾; ниже найдемъ краткое разсужденіе о нихъ

¹⁾ Срв. конспектъ курса Александровича, преподаваемаго въ Кіевской Академіи въ 1743 г. (*Макарій*, Исторія Кіевской Академіи, 150).

²⁾ Ист. Росс. Акад., I, 206.

³⁾ У Лаврентія Горки о нихъ большое разсужденіе въ отдѣлѣ эпиграмматической поэзіи.

⁴⁾ Срв. хотя бы *Н. И. Петровъ*: О словесныхъ наукахъ..., Т. К. Д. Акад., 1866, 7, 320—324; 1867, 1, 104—110. *Морозовъ*, Феосфанъ Прокоповичъ, какъ писатель, 97.

и у нашего автора. (Очевидно, онъ стоитъ на почвѣ старой академической учености. Идея вѣроятной выдумки, подражательнаго вымысла, такимъ образомъ опять къ дѣлу не примѣняется. Ложноклассическая поэтика въ свою систему не вводила ученія объ эпиграммахъ, но крайней мѣрѣ говорила несколько; въ схоластическихъ курсахъ, а за ними у Байбакова, разсужденія объ эпиграммѣ занимаютъ сравнительно весьма много мѣста ¹⁾). Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ „Правила“ связаны съ традиціей схоластическою, доложноклассическою.

Вмѣсто точнаго опредѣленія понятія эпиграмматической поэзіи ²⁾, авторъ замѣчаетъ, что она „употребляется на гробницахъ, зданіяхъ, знатныхъ мѣстахъ, на статуяхъ, цитахъ; въ знатныхъ мужей и героевъ дѣлахъ, приключеніяхъ; и въ прочихъ достопамятностяхъ“ (стр. 22).

Объ этомъ родѣ поэзіи, о способахъ сочинять эпиграммы, о томъ, каковы онѣ должны быть, авторъ распространяется очень обстоятельно, подробнѣе, чѣмъ, напримѣръ, о драмѣ или эпосѣ; очевидно, онъ касается одного изъ любимыхъ упражненій тѣхъ, для кого предназначались его „Правила“, то-есть, „юношества, обучающагося въ Московской Академіи“.

Эпиграммами называются только стихотворныя надписи, онѣ должны „изъяснять всякую матерію кратко и замысловато“.

Эпиграмма, говорятъ Аполлосъ, „пишется и въ худую и въ хорошую сторону“; должна быть ясна и кратка; имѣть „двѣ части: *изложеніе*, въ которомъ вещь кратко предлагается, и *замысль*, предлагающій какое мнѣніе, страсть, случай или другое дѣло ожиданное, или нечаянное“; источникомъ эпиграммъ является остроуміе, „щастливый разумъ“ пишущаго и его начитанность; но такъ какъ писаніе подобныхъ стиховъ представляло внѣшнюю виртуозность въ игрѣ словами и было распространеннымъ предметомъ упражненія, то авторъ и дѣлаетъ нѣсколько руководящихъ замѣчаній, указывая, что „не нѣтъ и особенныхъ на то источниковъ“, и сопровождая ихъ примѣрами изъ Сумарокова и журнала „Полезное Увеселеніе“. Эпиграмма

¹⁾ Это побудило арх. Филарета сдѣлать строгую характеристику книжки Байбакова: „о пустыхъ предметахъ—о символѣ, эмблемѣ, загадкѣ, говорить много, а о дѣлѣ мало“ (Обзоръ рус. дух. лит., 383).

²⁾ Ея опредѣленіе у Оеофана: Epigramma est brevis poema (то-есть, стихотвореніе) rem quandam vel personam vel factum unum vel plura indicans (simpliciter vel cum ingeniosa expositionis deductione).

является прежде всего въ видѣ непосредственной игры словъ: „отъ произвожденія почерпается имени“; таковы *анаграммы* („Въ горохѣ *воробей*. Гони, и *вора бей*“), таковъ и тотъ случай, „когда чужестранное имя переводится“: Андрей—мужественный; въ 4-мъ изданіи даны для примѣра стихи:

Будь мужественъ, Андрей.
Будь твердъ, какъ камень, Петръ;

эпиграмма получается также „отъ двузнаменательныхъ словъ“ (въ мѣрѣ долженъ быть мѣръ); далѣе „отъ подобія, отъ противнаго, отъ причины, отъ изчисленія частей, отъ свойствъ“ (то-есть, если авторъ выдвигаетъ или сходство разбираемаго явленія съ другимъ или различіе, указываетъ причину его и т. п.). Все это пояснено исключительно примѣрами; на примѣръ, эпиграмма „отъ свойствъ“ въ 4-мъ изданіи:

Не думай, что свое невѣжество исправилъ,
Когда ты кудри завилъ;
Нѣтъ смаку никогда, ни соли въ дуракѣ;
Болванъ всегда болванъ, хоть голъ, хоть въ парикѣ
(Полезн. Увеселеніе).

Въ 1-мъ изданіи примѣръ проще:

Мудръ мудро мудрствуетъ.

Для эпиграммы „отъ подобія“ въ 1-мъ изданіи примѣръ изъ стихотворенія духовнаго содержанія: Христосъ о себѣ говоритъ:

„Лоза я винограда былъ,
Никто плодовъ не рвалъ.
Рѣка живой воды—
Никто не почерпалъ.
Былъ пастырь добръ овцамъ,
Никто за мной не шелъ“, проч.

Вмѣсто этого въ 4-мъ изданіи стоитъ четверостишіе свѣтскаго содержанія, гдѣ сравнивается „любитель музъ“, поэтъ, съ Ниломъ, напоившимъ почву Египта своими водами.

Указавъ источники эпиграммъ, авторъ далѣе раздѣляетъ эпиграмму на простую и сложную. Различіе этихъ категорій опредѣлено мало; лишь замѣчено о сложной эпиграммѣ, что она „по большей части дѣлается изъ соплетенія многихъ подобій“.

Къ простой эпиграммѣ авторъ относитъ: эпитафію, сонетъ, рондо, мадригалъ. Сообразно пониманію эпиграммы вообще эпитафія есть „надгробная надпись, которая вообще коротко изъясняетъ умершаго или пороки или добродѣтели“ (стр. 24); любопытны наставленія,

предписывающія важное содержаніе (представляющее краткость или смертность жизни и т. п.) и торжественный языкъ, „есть ли важное описывается лице“, и шутовое („замысловатыя шутки“), если неважное. Примѣръ такой шутовской эпиграммы (въ 1-мъ изданіи лишь общая ссылка на „Полезное Увеселеніе“):

На мѣстѣ семь лежитъ преславный дворянинъ:
 Былъ очень онъ богатъ, имѣлъ презнатный чинъ.
 Что здѣсь ни сказано, все сказано безъ лести.
 Довольно ли тово къ его безсмертной чести?

Это приуроченіе поэзіи, ея приемовъ и стили къ сословному положенію тѣхъ, кому данное произведеніе посвящается, или кто въ немъ выводится, обще схоластическому направленію нашей поэзіи съ ложноклассическимъ. Байбаковъ въ этомъ случаѣ повторялъ старое положеніе школьной піитики¹⁾; ложноклассическая теорія развила эти положенія еще въ большей степени и проводила ихъ послѣдовательно, распредѣляя представителей различныхъ слоевъ общества по особымъ литературнымъ родамъ (басня, эклога, эпопея, комедія, трагедія) и назначая особый стиль и особаго характера сюжеты для каждого²⁾. Схоластическая теорія формулировала подобныя правила сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ; болѣе всего этотъ принципъ выражался ею, какъ кажется, именно въ данномъ мѣстѣ, въ ученіи о эпитафіи.

Разсужденія о советѣ и т. п. формахъ составлены уже очевидно помимо традицій схоластическихъ, подъ давленіемъ подражанія французскимъ советамъ со стороны нашихъ писателей. Байбаковъ находилъ сонеты и у Сумарокова, и въ „Полезномъ Увеселеніи“, на которое онъ вообще любилъ ссылаться, и самъ упражнялся въ сонетописаніи въ своемъ „Евгеонитѣ“.

Понятіе сонета опредѣляется, согласно съ общепринятымъ употребленіемъ этого термина, признаками чисто формальнаго свойства, относящимися къ извѣстному распредѣленію стиховъ и рѣмъ: стихотвореніе, состоящее изъ двухъ четверостишій и одного шестеростишія; авторъ присовокупляетъ замѣчаніе, что въ послѣднемъ стихѣ должна быть „нѣкоторая мысль либо острая, либо важная, либо благородная (асишен)“. Сонетъ былъ одною изъ модныхъ стихотворныхъ формъ; по примѣру итальянцевъ сонеты писали во всей Западной Европѣ,

¹⁾ Срв. *Прокоповичъ*, III, с. 8 (De epitaphio).

²⁾ Срв., на примѣръ, курсъ *Batteux*.

а затѣмъ послѣ опыта Тредіаковскаго и въ Россіи; въ числѣ немногихъ видовъ поэзіи, опредѣляемыхъ внѣшней формой, онъ былъ принятъ и ложноклассическою теоріей; зато внѣшнее построение его было ею опредѣлено очень строго; особенно извѣстны были и цитировались другими теоретиками строгія требованія Буало ¹⁾. Трудно сказать, откуда именно заимствовалъ Байбаковъ свои правила о сонетѣ; Буало онъ могъ, конечно, знать уже и въ русскомъ переводѣ; но едва ли не правильнѣе думать, что онъ просто руководился тогдашнею практикой, читая не мало сонетовъ въ журналахъ: такъ приходится, по крайней мѣрѣ, думать о замѣчаніяхъ его относительно другихъ подобнаго рода поэтическихъ видовъ, мадригалѣ и рондо, такъ какъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ онъ расходится съ Буало (см. ниже).

Мнѣ представляется характернымъ отступленіе отъ строгой формы сонета, которое нашъ авторъ допускаетъ въ 4-мъ изданіи: „можетъ также сонетъ состоять изъ одиннадцати, девяти и семи стиховъ“; ссылка на собственный примѣръ ²⁾; можетъ быть, привычка къ чрезвычайному разнообразію размѣровъ и формъ стихотворныхъ въ школьныхъ упражненіяхъ побудила автора въ данномъ случаѣ ограничить строгія правила и расширить рамки понятія сонета. Впрочемъ, послѣдующіе теоретики не подражали ему; „Наука“ Рижскаго ³⁾, „Словарь“ Остолопова ⁴⁾ понимаютъ сонетъ по-старинному, руководясь авторитетами Буало и Батте. Введеніе категоріи сонета въ цѣннику школьную со стороны Байбакова многіе естественно, такъ какъ здѣсь теоретикъ встрѣчался съ правилами, касающимися внѣшней формы

¹⁾ L'art poét., II, 82—101.

²⁾ Когдабъ не промысломъ Творецъ міръ сохранялъ,
Могла бы истребить его одна комета;
Бя бы куреній хвостъ, иль солнца насъ лишалъ,
Иль плодоноснаго не далъ бы зрѣти дѣта.
Когда бъ ея нарм на землю устремились,
Мгновенно бъ могъ тогда все пламень истребить;
И жители ея волнами бъ поглотились,
И шаръ бы могъ земнымъ огня предметомъ быть.
Но ты, о Господи! единъ насъ сохраняешь,
Единъ нещастія и злой рокъ отвращаешь,
Потщись, о Господи! по вѣкъ насъ не забыть.

Евгеоннта стр. 71.

³⁾ Стр. 96—98.

⁴⁾ III, стр. 204—208.

стихотворенія, довольно близкими къ знакомымъ ему правиламъ школьнымъ; писаніе сонетовъ весьма не рѣдко, и въ болѣе позднюю пору, сводилось къ извѣстнаго рода фокусу.

То же можно сказать и о *rondo*, о которомъ далѣе говорятъ Байбаковъ, опредѣляющій его, какъ стихотвореніе, состоящее „цѣпременно изъ тринадцати стиховъ, имѣя двѣ... рифмы“, при чемъ извѣстная группа словъ нѣсколько разъ повторяется (стр. 24). Въ 4-мъ изданіи опять оказывается расширеніе рамокъ правила: „можетъ быть 4, 8, 10 и далѣе стиховъ“; примѣръ приведенъ также изъ „Евгеонита“, гдѣ послѣ каждыхъ трехъ стиховъ строфы слѣдуетъ заключительный короткій стихъ: „дабы Его любить“ (стр. 42).

Принявъ въ свою систему эту форму, нашъ авторъ также выдвинулъ лишь внѣшнее ея построеніе. Ложноклассическая теорія связывала съ нею и извѣстныя внутреннія черты: Буало замѣчаетъ, что рондо „а la naïveté“¹⁾; Батте, сдѣлавъ то же указаніе, допускаетъ для этой формы простоту и свободу выраженія; внѣшнее построеніе изъ 13 стиховъ съ двумя повторяющимися стихами (*refrains*) опредѣлено вполне строго, съ указаніями, какъ должны быть распределены по стихамъ отдѣльныя мысли²⁾. Изъ русскихъ теоретиковъ Рижскій³⁾ держится очень близко Батте. Вообще же въ русской литературѣ терминъ рондо не имѣлъ столь опредѣленнаго приуроченія, что и отмѣчено Остолоповымъ⁴⁾, указавшимъ на большую свободу, допускаемую русскими стихотворцами, наблюдающими лишь „крутость“ рондо, то-есть, повтореніе извѣстнаго стиха. Изъ этой тогдашней практики и почерпнулъ, вѣроятно, Байбаковъ свои замѣчанія о рондо.

Мадригалъ понимается Байбаковымъ независимо отъ чередованія и числа стиховъ и по автору отличается отъ эпиграммы „тѣмъ только, что матерію имѣетъ благородную, важную и высокую. И пишется по большей части стихами неравными“. Байбаковъ указываетъ примѣры въ названныхъ выше журналахъ. Повидимому, употребленіе стихотвореній такого рода въ русской литературѣ XVIII вѣка и побудило автора включить ихъ въ свои правила; Буало упоминаетъ мадригалъ, но вліянія его сочиненія, существовавшего уже въ русскомъ переводѣ

¹⁾ Op. cit., II, 140.

²⁾ Op. cit., III, 453—455.

³⁾ Н. соч., 99—102.

⁴⁾ Словарь, III, 58.

Тредіаковскаго, на нашего автора незамѣтно; и въ самомъ пониманіи мадригала есть различіе между нимъ и Буало, который, коснувшись впрочемъ этого вопроса лишь въ двухъ стихахъ, указалъ, что мадригалъ „respire la douceur, la tendresse et l'amour“¹⁾; такъ позднѣе и Vatoux, считая мадригалъ видомъ эпиграммы, признаетъ, что въ немъ должна быть острая, занимательная мысль, присущая эпиграммѣ вообще, но отличительную его черту видитъ въ томъ, что онъ „à une pointe toujours douce, gracieuse“²⁾. Очевидно, понятіе мадригала не было точно сформулировано, и въ русской литературѣ этотъ терминъ, подобно и термину *рондо*, имѣлъ болѣе широкое значеніе; онъ примѣнялся и къ стихотвореніямъ, выражавшимъ важныя мысли, касавшимся серьезныхъ и общихъ вопросовъ³⁾.

Въ такомъ духѣ и примѣръ, приведенный Байбаковымъ (въ 4-мъ изданіи) изъ „Евгеонита“:

Такъ что же будемъ мы во маломъ мірѣ сему?
 Что пышнаго найдемъ здѣсь въ бытїи своемъ?
 Единъ изъ ничего Творецъ вся содѣлаетъ,
 И прахъ душею нашъ единъ Онъ оживляетъ!
 И ежели онъ насъ восхощетъ не забыть,
 Тогда изъ ничего мы можемъ нѣчто быть. (Стр. 43—44).

Понятіе сложной эпиграммы, весьма не ясно, какъ уже сказано, охарактеризованное Байбаковымъ, объясняется изъ его толкованій частныхъ видовъ этой эпиграммы, а также изъ пониманія дѣла въ школьной теоріи вообще. Для Ѳ. Проконовича сложная эпиграмма отличается отъ простой тѣмъ, что послѣдняя „tantum indicat aut exponit rem aliquam“, а сложная—„ex indicata re aliquid argute et acute egit“ (Иб. III, с. 4), то-есть, непосредственное содержаніе стихотворенія имѣетъ значеніе аллегоріи или символа, означая ясно-сказательно нѣчто другое.

Такой символизмъ имѣетъ въ виду и Байбаковъ, съ тою разницею, что сложную эпиграмму онъ понимаетъ слишкомъ широко, распростра-

¹⁾ L'art. p., II, 144.

²⁾ Op. cit., III, 450.

³⁾ „Нѣкоторые русскіе стихотворцы, замѣчаетъ Остолоповъ (Словарь, II, 170), какъ то Тредіаковскій, Сумароковъ (А. П.), Николаевъ, писали *Мадригалы* на разные торжественные случаи, напримѣръ, находимъ *Мадригалы* на взятіе Бендеръ, на побѣду при Кагулѣ, а Тредіаковскій написалъ даже *Мадригалъ* въ похвалу Аудіенцъ-Залѣ“. Самъ же Остолоповъ понимаетъ мадригалъ уже въ смыслѣ французскихъ теоретиковъ (тамъ же, стр. 166), какъ и ранѣе его Рижскій (н. соч., 94—95). Очевидно, послѣднее пониманіе упрочивается съ теченіемъ времени.

няя это понятіе не только на словесныя изображенія вещи, но и на рисунки. Рисунки даже выдвигаются на первый планъ: они могутъ сопровождаться пояснительною надписью, представляющей стихъ, или лишь „часть стиха (Iemша)“, или составленною „простою рѣчью“; могутъ обходиться и вовсе безъ надписи.

„Изображеніе вещи по ея свойствамъ безъ надписи“ называется „гіероглификомъ“, напримѣръ, „написанная собака изображаетъ злословящаго, агнецъ незлобиваго“ (стр. 25). При сопровожденіи же надписи такое изображеніе называется „символомъ“: „напримѣръ, изображенная соль въ срединѣ сосудовъ между кушаньемъ съ надписью *всѣмъ приюдна* означаетъ ласковаго человѣка“. Далѣе характеризуется „эмблема“, то-есть, „изображеніе человѣка по платью, тѣлодвиженію и проч., представляющее человѣческія дѣйствія или нравы, съ прибавленіемъ надписи. Напр. человѣкъ, неосторожно идущій, ушибшись о камень, съ надписью: *кто виноватъ?* означаетъ, что человѣческія погрѣшности отъ произволенія бывають и вызываютъ сожалѣніе“. Различіе между символомъ и эмблемою характеризуется очень неясно; на основаніи примѣровъ можно заключить, что подъ символомъ разумѣлось аллегорическое обозначеніе извѣстнаго предмета или отвлеченнаго понятія (въ 4-мъ изданіи приведенъ примѣръ символа *невозможности*), а эмблема — аллегорическое же выраженіе какой нибудь мысли, преимущественно нравственной. Такое различіе болѣе ясно сформулировано въ „Словарѣ“ Остолопова¹⁾.

Отличіе учебника Байбакова отъ ложноклассическихъ руководствъ въ отдѣлѣ объ эпитаграммѣ сказывается прежде всего въ томъ вниманіи, которое онъ оказываетъ этому предмету, поставивъ его на первое мѣсто и посвятивъ ему болѣе трети всего ученія о видахъ поэзіи. Ложноклассическіе курсы говорили объ эпитаграммѣ, но очень кратко и на менѣе видномъ мѣстѣ, занимаясь по преимуществу другими поэтическими видами, съ болѣе серьезнымъ и важнымъ содержаніемъ; то же можно въ частности сказать и о сонетѣ, мадригалѣ и рондо, категоріяхъ, которыя въ сущности означали чисто внѣшнюю стихотворную форму; хотя ложноклассическая теорія и старалась съ опредѣленною внѣшнею формой болѣе точно связать и опредѣленныя черты содержанія, но вообще объ этихъ *petits poèmes*²⁾

¹⁾ I, 879—880.

²⁾ *Battoux*, op. cit., III, 450. Подобно тому и въ русскихъ сочиненіяхъ эти формы означаются именемъ „мелочныхъ стихотвореній“ (Остолоповъ, Словарь, III, таблица XXIX).

говорить очень мало; изъ русскихъ подражателей французскимъ теоретикамъ Сумароковъ, слѣдовавшій Буало въ „Епистолѣ о стихотворствѣ“, уклоняется отъ теоріи данныхъ формъ¹⁾, хотя и самъ иногда упражнялся въ этомъ „играньи стихотворномъ“.

Въ ученіи объ эпиграммѣ вообще Байбаковъ такимъ образомъ ближе стоитъ къ старымъ школьнымъ теоріямъ, чѣмъ къ ложноклассическимъ руководствамъ. Что касается самаго содержанія ученія объ эпиграммѣ, то здѣсь особо значительной разницы между обоими направленіями теоріи не было: о двухъ частяхъ эпиграммы, объ ея краткости, объ игрѣ словъ говорятъ и ложноклассическіе теоретики; но они все-таки выдвинули и кое-какія требованія, касающіяся содержанія: Буало говорилъ объ эпиграммѣ, какъ убѣжищ²⁾ для остроумія³⁾, болѣе выдвинувъ это свойство эпиграммы; Батте (кроме краткости эпиграммы)—о единствѣ мысли въ ней, о занимательности и удачномъ выраженіи этой мысли и объ условіяхъ ея занимательности⁴⁾; то же повторяютъ и подражавшіе имъ русскіе теоретики. Во всякомъ случаѣ и въ этомъ отношеніи пашъ авторъ примыкаетъ къ школьнымъ курсамъ пѣтики; впрочемъ и ихъ онъ повторяетъ не вполне, опустивъ, напримѣръ, всѣ замѣчанія объ остротѣ и ея проявленіяхъ⁵⁾; нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ впрочемъ воспроизведены въ указаніяхъ Байбакова объ источникахъ эпиграммы.

Разсужденія о другихъ родахъ поэзіи у Байбакова гораздо короче, опять согласно съ кіевскими старыми руководствами; очевидно, они менѣе подходили для столь любимыхъ въ школѣ чисто внѣшнихъ стихотворческихъ упражненій. Переходя къ другимъ родамъ, авторъ касается такихъ произведеній, которыя въ изобиліи сочинялись тогдашними писателями, принадлежавшими къ официальной, ложноклассической школѣ. Здѣсь онъ также обращается за примѣрами къ сочиненіямъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова; особенно тогдашнему одонисанію, гордости русской литературы, авторъ не могъ остаться чуждымъ: онъ самъ (въ изданіи 1790 года) отмѣчаетъ особое обиліе этого рода произведеній въ русской поэзіи; но полное

¹⁾ Сочиненія², I, 145:

Но пусть ихъ пишетъ тотъ, кому они угодны...

Составъ ихъ хитрая въ бездѣлкахъ суета:

Мнѣ стихотворная пріятна простота.

²⁾ Op. cit., II, 103 sqq.

³⁾ Op. cit., III, 425 sqq.

⁴⁾ Прокоповичъ, op. cit., lib. III, c. 6: De arguta clausula epigrammatica.

молчаніе даже въ изданіи 1790 года о Державинѣ даетъ основаніе думать, что все-таки духовная школа въ извѣстной степени отставала отъ текущей литературы и позже признавала писателей, уже пользовавшихся славою въ другихъ общественныхъ сферахъ¹⁾.

Въ группировкѣ и классификаціи этихъ литературныхъ формъ и въ объясненіи ихъ мы также замѣчаемъ у Байбакова значительное отличие отъ ложноклассическихъ теорій.

Подъ поэзіей лирическою, которую авторъ непосредственно послѣ „эпиграммы“ характеризуетъ въ числѣ формъ „повѣствовательной“ поэзіи, онъ разумѣетъ „искусство писать похвальные стихи, особливо оды“ (стр. 26); изобрѣтена лирическая поэзія „въ честь и прославленіе верховнаго Существа“; но теперь подъ это понятіе авторъ подводитъ всякіе похвальные сюжеты: „торжества, радости, похвалы мужей, и другихъ вещей, временъ, праздниковъ, публичныхъ мѣстъ, проч.“; никакихъ дальнѣйшихъ *правилъ* объ одѣ и сочиненіи ея мы не находимъ. Въмѣсто того авторъ даетъ сравненіе оды съ „геронческою поемой“; согласно своему основному пониманію классификаціи формъ поэзіи онъ не находитъ между ними никакой существенной разницы, а лишь формальную, главнымъ образомъ ту, что въ одѣ говоритъ лишь самъ поэтъ отъ себя, а въ поэмѣ приводитъ и слова героевъ; такимъ образомъ основное начало дѣленія, вполнѣ формальное, проводится послѣдовательно. Впрочемъ, указываются и еще черты различія, также внѣшняго характера: различные размѣры („ода обыкновенно не пишется шестистопнымъ, но четверостопнымъ; однакожъ, ограничиваетъ свое замѣчаніе авторъ, у г. Ломоносова есть Ода, геронческимъ стихомъ писанная“), объемъ (поэма — странное сочиненіе, такъ что ода „могла бы называться частію оныя“; это различіе по объему въ 1-е изданіе впрочемъ вовсе не введено;

¹⁾ Замѣчу, что въ области описанія, повидному, прежде и яснѣе всего проявлялось въ духовной школѣ вліяніе свѣтской тогдашней литературы. Уже задолго до Байбакова мы встрѣчаемся съ академическими одами, написанными вполнѣ въ подражаніе Ломоносовскимъ. Практика въ этомъ случаѣ опередила теорію. Особенно я имѣю въ виду оду на день перваго мая, сочиненную въ Киевской академіи въ 1761 году учителемъ пѣтятии Игнатіемъ Максимовичемъ и изданную въ послѣднее время по двумъ спискамъ: *Л. И. Пятуховымъ* въ „Замѣткахъ о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ бібліотекѣ Игоряко-филологическаго Института князя Безбородко“ (въ „Извѣстіяхъ“ Ин-та, т. XV, 1895; стр. 33 — 40) по рукописи Института, и г. *Мацьевичемъ* въ „Трудахъ Киевской духовной академіи“ (1897, № 9), по одной частной рукописи.

въ 4-мъ см. стр. 17); наконецъ различіе еще въ томъ, что поэма описываетъ одни дѣла славныхъ мужей, а сія—всякія вещи. Выдвинутое ложноклассическою поэтикой различіе: лирическая поэзія (и ода, какъ видъ ея) изображаетъ не дѣйствіе, какъ другіе роды поэзіи, а чувство поэта¹⁾,—теоретикомъ духовной школы не признается. За мѣчаний, сдѣланныхъ уже Буало, о *style impétueux*, о *beau desordre*²⁾, о жарѣ чувства у поэта, о томъ, что въ одѣ нѣтъ надобности налагать дѣло въ его хронологической послѣдовательности, у Байбакова нѣтъ. Въ примѣрѣ оды въ 1-мъ изданіи есть общая ссылка на Ломоносова; въ 4-мъ выписывается „Ода г. Руссо на фортуна“ въ известномъ русскомъ переводѣ Ломоносова (Доколѣ щастье ты вѣнцами Злодѣевъ будешь украшать?)³⁾, а затѣмъ дѣлается указаніе на современныхъ одописцевъ: Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Майкова, Рубаца и другихъ (стр. 50).

Отношеніе понятія оды къ понятію лирической поэзіи авторомъ не выяснено достаточно. Понятіе оды, впрочемъ, нѣсколько болѣе выясняется при дальнѣйшей характеристикѣ *имна* и *диюграмба*, какъ видовъ лирической поэзіи; гимнъ „содержитъ не столь вещь свѣтскую, сколько священную“; здѣсь авторъ рекомендуетъ и болѣе или менѣе опредѣленный размѣръ: „но большей части“ (не непремѣнно) гимнъ пишется строфою, состоящую изъ трехъ шестистопныхъ стиховъ и одного четырехстопнаго или же еще болѣе короткаго; для меня не ясно, откуда позаимствовалъ авторъ подобное правило; старыя кievскія руководства, понимающія гимнъ такъ же, какъ хвалебное стихотвореніе религіознаго содержанія, такого правила не предполагаютъ⁴⁾; Буало и Батте о гимнѣ не говорятъ, а русскія позднѣйшія сочиненія Державина, Рижскаго и Остолопова въ существенномъ въ данномъ случаѣ соответствуютъ школьнымъ руководствамъ, размѣра же

¹⁾ *Baillet*, op. cit., III, 234. Ср. *Державинъ*, Разсужденіе о лирической поэзіи: „Ода или гимнъ изображаютъ только чувства сердца въ разсужденіи какаго либо предмета, а не дѣйствія его“. (Сочиненія, изд. Я. К. Грота, VII, 522).

²⁾ *L'art poét.*, II, 71—81. Ср. переводъ Тредіаковскаго: „Быстра въ Одѣ слога часто есть отваженъ ходъ; *Красный безпорядокъ* точно въ ней искусства плодъ“. (Соч. и перев., I, 18). Въ томъ же смыслѣ говорятъ самъ Тредіаковскій въ „Разсужденіи объ одѣ вообще“ (Соч. и перев., II, 82). Ср. у Державина перечень подобныхъ же свойствъ, кромѣ того, различныхъ фигуръ и украшеній, составляющихъ „качество или достоинство высокихъ одъ“ (тамъ же).

³⁾ Ср. Сочиненія Ломоносова, изд. подъ ред. М. И. Сухомятнова, II, 168 и примѣч. 246.

⁴⁾ Напримѣръ, *Прокатовичъ*, Поет., I. III, с. 8.

не указываютъ. Для примѣра авторъ дѣлаетъ ссылку на сочиненія Сумарокова, а въ 4-мъ изданіи предпослалъ этой ссылкѣ гимнъ изъ своего „Евгеонита“¹⁾). Повидимому, впрочемъ, онъ не считаетъ такую строфу безусловно необходимою для гимна, какъ оды священнаго содержанія.

Мимоходомъ, въ томъ же краткомъ отдѣлѣ, посвященномъ гимну, находимъ замѣчаніе о *стансахъ*, какъ такихъ одахъ, которыя содержатъ „матерію среднюю, нѣжныя и не парящія въ высоту“ (стр. 27); это понятіе, неизвѣстное старой пѣтикѣ и не находящееся въ основныхъ руководствахъ ложноклассическихъ, Байбаковъ внесъ въ свои „Правила“ подъ вліяніемъ Тредіаковскаго, который упоминаетъ о стансахъ въ „Рассужденіи объ Одѣ вообще“, говоря²⁾, что французы такъ называютъ оды, „обращающіяся въ средней матеріи, ни очень благородной, ни весьма общей“, писанныя среднимъ стилемъ, „нѣжныя и не парящія въ высоту“.

Вообще въ литературной практикѣ терминъ „станса“, повидимому не былъ вполнѣ точно опредѣленъ и употреблялся для тѣхъ лирическихъ стихотвореній, которыя авторъ почему либо затруднился отнести къ какому нибудь другому изъ признанныхъ видовъ³⁾; позднее

1) О! Ты Творецъ небесъ, морей, стихій, свѣтилъ!
Изъ персти насъ создавъ, велѣлъ владѣть землею,
Чтобъ персть небесною содѣлать въ жизни сей,
Тебѣ въ ней жертвуя душою.
Когда въ жилище ей прекрасно тѣло далъ,
Хотѣлъ, о Боже! насъ въ твореніяхъ почитать,
Хотѣлъ, чтобъ человекъ законъ Твой соблюдалъ,
Тебѣ бы тысячи угодили и т. д.

2) Соч. и перев., II, 31.

3) Едва ли этотъ терминъ не былъ усваиваемъ стихотвореніямъ, писаннымъ строфами изъ 4-хъ стиховъ, разнообразнаго содержанія. Привожу для примѣра нѣсколько строфъ изъ „станса“ Хераскова, напечатаннаго въ томъ же *Полезномъ Увеселеніи*, 1800, I, 15—16:

Все на свѣтѣ семъ переходитъ,
Постояннаго въ немъ нѣтъ;
Солнце утромъ хоть восходитъ,
Вечеромъ оная зайдетъ.
Ничего намъ вѣчность люта
Не оставитъ никогда,
И минутою минута
Истребляется всегда...
Бывшій часъ не возвратится,

Остолоповъ терминомъ *стансы* не означаетъ никакого особеннаго вида стихотвореній и считаетъ его синонимомъ слову *строфа* ¹⁾).

Всѣ эти понятія такимъ образомъ не были, повидимому, для Байбакова вполне точно опредѣленными; еще въ большей степени можно сказать о *дионрамбѣ*, о которомъ онъ говоритъ далѣе; подъ дионрамбомъ онъ понимаетъ „похвальные стихи“, которые „пѣты были въ честь одному Бахусу; но могутъ содержать всякую матерію, какъ, напримѣръ, описывать народные праздники, какъ-то масленицу, семикъ, проч.“ (стр. 27). Здѣсь очевидное отличіе отъ ложноклассической теоріи: послѣдняя вообще о дионрамбѣ не говорила, описаніе же народныхъ праздниковъ, конечно, не могло составлять задачи ложноклассическаго поэта. Никакихъ формальныхъ законовъ нашъ авторъ здѣсь не предписываетъ; мало того: стихи могутъ быть разнообразныя, сопровождаются шуточными выраженіями, прибаутками, можно вставлять даже ничего не значащія слова, въ видѣ припѣва, и т. п. Для примѣра приведенъ послѣдній стихъ изъ „хора пьяницъ“, одного изъ хоровъ, сочиненныхъ Сумароковымъ для придворнаго маскарада 1763 года:

(... отечеству служимъ мы болѣе всѣхъ...

Всякъ часъ возвращаемъ кабацкой мы сборъ:)

Подъ вирь вирь вирь донъ донъ донъ, протчи службы вздоръ ²⁾).

Не совсѣмъ ясная формулировка Байбакова поясняется старыми руководствами: для Прокоповича, напримѣръ, дионрамбъ есть также первоначально хвалебное стихотвореніе, ода, въ честь Вакха, бога веселья, а затѣмъ, въ болѣе новое время, вообще пѣснь *веселая* содержанія, воспѣвающая веселье и радость ³⁾. Это указаніе Байбаковымъ не сдѣлано; но оно объясняетъ, почему онъ заговорилъ о праздникахъ и о шуточныхъ словахъ. Болѣе отличается пониманіе Байбакова отъ позднѣйшихъ свѣтскихъ трактатовъ, каковы сочиненія Дер-

Будущему лъзя не быть;

Въ настоящей должно читаться

Человѣку въ свѣтѣ жить.

Нѣсколько своихъ стихотвореній назвалъ „стансами“ и Сумароковъ (напримѣръ, Соч., IX, 94—108). Среди нихъ есть любовныя стихотворенія, а первый воспѣваетъ побѣду надъ Пугачевымъ.

¹⁾ Словарь, III, 216.

²⁾ *Сумароковъ*, Сочиненія ², VIII, 336.

³⁾ *Dithyrambi in laudem solius Bacchi canebantur, nunc in qualibet laeta materia occini possunt* (III, 3).

жавина ¹⁾, Рижскаго ²⁾, Остолопова ³⁾): въ проведенномъ у нихъ пониманіи диеирамба выдвигается другой моментъ его первоначальнаго значенія; означая прежде всего пѣснь въ честь Вакха, полную экстаза, потому этотъ терминъ означать оду, исполненную высшего жара и вдохновенія, особенно высокаго и „отважнаго“ стихотворческаго паренія“ (Рижскій), „изступленія“, „буйнаго восторга“, гдѣ въ высшей степени господствуютъ лирической безпорядокъ, смѣлыя картины (Державинъ).

Вообще въ этомъ разсужденіи о лирической поэзіи Байбаковъ стоитъ, очевидно, на почвѣ старыхъ школьныхъ руководствъ. Такъ и по Прокоповичу лирическая поэзія есть „artificium rangendi breves capitulas“, которая сперва пѣлась въ честь боговъ, героевъ, славныхъ мужей, а потомъ въ нихъ стали впадать всякое содержаніе (*gaudia, triumphū, vota, laudationes et vituperationes—hominum, regum, locorum, temporum*); въ области лирической поэзіи у него фигурируютъ тѣ же три термина: *oda, hymnus, dithyrambus*; введя сюда еще стансъ, Байбаковъ, можетъ быть, потому и упомянулъ его лишь мимоходомъ, какъ бы по поводу гимна (не началъ даже рѣчь о немъ съ новой строки), что это была лишняя добавка противъ старыхъ учебниковъ.

Отношеніе между всѣми этими понятіями формулировано у Прокоповича сразу яснѣе: *odae*—называются собственно всѣ эти лирическія произведенія, но нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того, имѣютъ еще специальное названіе гимновъ и диеирамбовъ. Что касается ученія о несоблюденіи хронологической послѣдовательности изображаемыхъ событий, то старая школьная теорія также не прилагала его къ одѣ; впрочемъ вообще это ученіе она знала, но не доводила его до ученія о „безпорядкѣ“; излагалось оно въ отдѣлѣ эпической поэзіи, съ замѣчаніемъ, что относится и ко всей поэзіи вообще ⁴⁾. Это изложеніе событий не въ порядкѣ историческомъ является плодомъ *fictionis poeticae*.

Далѣе слѣдуетъ „поэзія элегическая“, которая не разсматривается авторомъ, какъ видъ лирической поэзіи, а упоминается наряду съ этою послѣднею, какъ виды „повѣствовательной“ поэзіи: если лирической поэзіи принадлежать разнаго рода хвалебныя сюжеты, то

¹⁾ Сочиненія, XII, 579—581.

²⁾ Назв. соч., 236—240.

³⁾ Словарь, I, 260—270.

⁴⁾ Срв. *Тисомаговъ*, Сочиненія, II, примѣч., 22.

„элегіическая“ „описываетъ особливо вещи плачевныя и любовныя жалобы“ (стр. 28). Такое пониманіе элегіи, какъ отличнаго отъ лирики вида поэзіи, унаслѣдовано Байбаковымъ отъ киевскихъ пѣтякъ, въ которыхъ виды поэзіи: *elegiaca*, *bucolica*, *satyrica*, *epigrammatica*—перечисляются на ряду съ *lyrica*¹⁾.

Произведенія элегической поэзіи, касающіяся чувства любви, выдѣлены въ особую группу: это—элегія *Эротическая* (она „описываетъ любовь и всё отъ любви происходящія слѣдствія“), тогда какъ прочія образуютъ элегію *Треническую* (она „описываетъ печаль, болѣзнь и всякое несчастливое приключеніе“). Любовь впрочемъ въ данномъ случаѣ понимается очень широко: сюда входитъ, напримѣръ, и любовь къ Богу, какъ видно изъ примѣровъ, добавленныхъ въ 4-мъ изданіи; первое изданіе даетъ лишь ссылку на разныя сочиненія г. Сумарокова. стр. 183 сл. Примѣръ эротической элегіи въ 4-мъ изданіи взятъ изъ того же „Евгеонита“ и представляетъ стихотвореніе на тему „изъ псалма 42, ст. 3: Возжада душа моя Тебе, Боже“:

Хотя на свѣтѣ все созданіе прекрасно;
Хоть небо и земля влекутъ мой взоръ всечасно,
Хоть злато кроется въ земли, или въ моряхъ,
Хотя бѣ богатство все въ моихъ было рукахъ;
Но, Боже! безъ Тебя мнѣ все мечта пустая,
Тебя одного душа моя алкала,
Любви и радостей поставя за предметъ.
Въ селеніи Твоёмъ желаніемъ течеть...

... Мысль твоя нигдѣ предѣла не найдетъ,
Но сопряженія съ единымъ Богомъ ждеть...
Къ Тебѣ, о Боже! всѣмъ желаніемъ бѣжить,
Къ Тебѣ единому любовію горить:
И небо со землей, и въ свѣтѣ что ни есть,
Все должно безъ Тебя ничтожествомъ почестъ.
Богатство, слава, рай, честь, красота со мною,
Какъ Ты живешь во мнѣ, а я живу съ Тобою (стр. 56—57)

Судя по этому примѣру, можно заключить, что стихотвореніе, говорящее о любви, есть элегія, хотя бы элементъ печали и жалобы

¹⁾ Заглавіе 3-й книги руководства Прокоповича: *De bucolica, satyrica, elegiaca, lyrica et epigrammatica poesi*. Отличіе у Байбакова лишь въ томъ, что *bucolicam* и *satyricam* поэзіи онъ рассматриваетъ въ другомъ мѣстѣ, на основаніи принятаго имъ сведенія всѣхъ видовъ къ тремъ главнымъ категоріямъ, какъ и видно изъ сдѣланнаго имъ въ началѣ втораго „члена“ руководства перечисленія видовъ поэзіи.

и не входилъ въ него, такъ что послѣ общаго объясненія „элегической“ поэзіи, какъ поэзіи жалобъ и печали, со стороны Байбакова было непослѣдовательностью представлять ея видомъ всю „эротическую“ поэзію.

Въ томъ, что авторъ вводитъ въ понятие эротической поэзіи элементъ любви къ Богу, сказалась, конечно, связь разсматриваемаго руководства съ духовною школой; ложноклассическая поэтика, если говорила объ изображеніи любви, то всегда понимала эту послѣднюю въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Примѣромъ же элегій трепической служить элегія „изъ книги, кто есть истинный другъ? стр. 26 сдѣланная изъ псалма 142 стиха 2. Не види въ судъ съ рабомъ Твоимъ, Господи...“, и изображающая чувство страха и трепета при мысли о страшномъ Судѣ Божиемъ (стр. 53—56).

Кіевскія руководства понимали элегію опредѣленнѣе, обуславливая терминъ главнымъ образомъ формою стиха и имѣя въ виду гексаметръ съ пентаметромъ, притомъ не связывая его, повидимому, непременно съ опредѣленнымъ содержаніемъ; посвящая элегіи 2-ю главу 3-й книги своего руководства, Прокоповичъ озаглавливалъ ее: „De rossi elegiaca, ubi est de versu pentametro“; далѣе онъ замѣчаетъ, что это собственно есть *lamentabilis poesis*, что „такимъ образомъ“ (то-есть, элегическимъ двустипіемъ?) пѣлись сначала печальныя пѣсни, но потомъ элегія стала касаться всякихъ вещей; далѣе Прокоповичъ даетъ правила о построеніи элегическаго двустипія. Кіевскія пѣтики писались по-латыни и имѣли въ виду главнымъ образомъ латинскіе стихи ¹⁾; Байбаковъ пишетъ уже по-русски, имѣя въ виду и русскіе стихи вообще и наличныя произведенія русской литературы; онъ не можетъ потому говорить объ элегическомъ двустипіи и вынужденъ въ этомъ отступать отъ старинныхъ образцовъ и принимать во вниманіе признаки содержаія; отсюда является извѣстная сбивчивость понятія элегій; ясная граница между одою и „эротическою“ элегіей исчезаетъ. Надо замѣтить, что въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ судьбу ложноклассическихъ теоретиковъ, которые точно также старались опредѣлить значеніе этого термина, но, не привязывая его уже къ опредѣ-

¹⁾ Георгій Кошкскій въ общемъ въ своемъ курсѣ говоритъ то же; о русской элегій замѣчаетъ, что наиболѣе удобнымъ ему для нея кажется, въ соответствіе гексаметру, стихъ 12-ти или 11-ти сложной (Н. Н. Пестровъ, Т. К. Д. А., 1867, 1, 95).

ленному стихотворному размѣру, пытались выяснитъ содержаніе элегій и, хотя находили, что по преимуществу подъ такимъ названіемъ извѣстны стихотворенія, выражающія чувства грусти, по видѣли, что такъ назывались и стихотворенія другаго содержанія; отсюда мы видимъ и у нихъ колебанія, съ тою разницею, что они и въ общую характеристику элегій включали не только выраженіе грусти, но и радости, особенно же чувства любви; Voileau, выразившись: „La plaintive élégie“, далѣе говорить, что она „peint des amants la joie et la tristesse“¹⁾; Batteux пытается положить различіе между одой и элегіей не въ содержаніи чувствъ, выраженныхъ тою и другою, а въ ихъ степени: въ одѣ высокое изступленіе, въ элегіи тихія чувства, печали или радости; однако, теоретикъ оговаривается, что радость, *кажется*, не должна входить въ понятіе элегій. Наши русскіе позднѣйшіе теоретики, стараясь резюмировать все, что имъ извѣстно, признавали, что, во-первыхъ, элегія должна выражать печаль и радость, но не другія чувства, а, во-вторыхъ, „сіи самыя чувствованія бываютъ опредѣленной нѣкоторой степени“²⁾.

Отголосокъ старыхъ школьныхъ латинскихъ руководствъ, очевидно, сказанъ у Байбакова (въ 4-мъ изданіи, стр. 53) въ замѣчаніи, что элегій „пишутся по большей части шестистопнымъ“ стихомъ; впрочемъ здѣсь авторъ не разумѣетъ непременно дактило-хоренческаго гексаметра, какъ видно изъ его примѣровъ: они написаны шестистопнымъ ямбомъ. Ложноклассическая теорія, менѣе слѣдившая за формою стиха, не давала подобныхъ правилъ, равно какъ и не требовала для элегій обилія фигуръ, чего далѣе требуетъ нашъ авторъ: элегія „стиль должна имѣть средственный, то-есть, ни чрезмѣрно высокій, ниже весьма низкій, наполненной тѣми фигурами, которыя служатъ къ возбужденію человѣческихъ страстей, и которыя предписаны въ Ломоносовской Риторикѣ на стр. 139, слѣд.“ Въ этой ссылкѣ лишній разъ выразилась давно замѣченная связь между старою школьною нѣткою и риторикою³⁾.

Ученіе о „Поезій Драматической“ наиболѣе кратко; „правиль“ въ собственномъ смыслѣ здѣсь почти нѣтъ; такимъ образомъ въ данномъ пунктѣ рассматриваемое руководство представляетъ наибольшее отличіе отъ руководствъ ложноклассическихъ, которыя, наоборотъ

¹⁾ L'art p., II, 41.

²⁾ *Рижскій*, и. соч., 263. Срв. *Остолоповъ*, Словарь, I, 360, 361, 370.

³⁾ *Тихомирова*, Сочиненія, II, 125—126; *Петрова*, назв. соч.; и др.

именно въ примѣненіи къ драматической поэзіи развивали особенно строгую систему правилъ. Общаго опредѣленія „драммы“ не дѣлается; очевидно, авторъ имѣеть въ виду ея краткую характеристику, сдѣланную при установленіи классификаціи поэзіи. Въ самомъ началѣ дается указаніе на два ея вида: трагедію и комедію; авторъ приводитъ краткую характеристику обоихъ видовъ: „трагедіи имѣеть за свой предметъ важныя дѣла славныхъ мужей, особливо перемѣны счастія и злосключенія. И по большей части берется отъ истинной исторіи. Комической Поэзіи матерія состоитъ по большей части въ описаніи развратныхъ человѣческихъ дѣйствій, смѣху и поруганія достойныхъ великихъ и частныхъ людей“. Точнѣйшихъ разъясненій и правилъ для каждаго вида въ отдѣльности не находимъ; передъ нами только опредѣленія, сами по себѣ характера правилъ не имѣющія, да и то отличающіяся большою осторожностью: авторъ выражается „по большей части“, ослабляя этимъ категоричность своихъ сужденій. Далѣе онъ даетъ лишь нѣкоторыя правила для сочиненія „драммы“ вообще, но этихъ правилъ лишь два: они касаются дѣйствій и явленій, какъ „частей“ драматическаго произведенія. Дѣйствій въ драмѣ устанавливается не болѣе пяти,—старинное правило о пяти актахъ, категорически формулированное еще Горациемъ¹⁾), поэтика котораго была однимъ изъ наиболѣе важныхъ авторитетовъ схоластической теоріи²⁾); правило это, какъ извѣстно, восприняла и ложноклассическая теорія; о немъ мы читаемъ, напримѣръ, у Batteux³⁾); нашъ авторъ, однако, требуетъ только не болѣе пяти актовъ, меньшее же ихъ количество онъ признаетъ, добавляя, что „если драма состоитъ изъ одного дѣйствія, то называется Петипіесь“ (стр. 29); такимъ образомъ и здѣсь авторъ ослабляетъ строгость правила. Любопытно, что названныя выше позднѣйшія сочиненія Рижскаго и Остолопова также обнаруживаютъ стремленіе смягчить строгость этого правила и подобно Аполлоосу требуютъ „не болѣе“ пяти дѣйствій, хотя всеже считаютъ нужнымъ замѣтить, что Гораций признаетъ только пять актовъ⁴⁾).

Правило о пяти актахъ было почерпнуто Байбаковымъ изъ кіев-

¹⁾ De arte poetica, 189.

²⁾ На русскомъ языкѣ она существовала уже въ прозаическомъ переводѣ Тредиаковскаго. (Соч. и перев., I, 52—91).

³⁾ Op. c., III, 25 sqq.

⁴⁾ Рижскій, н. с., 319; особенно Остолоповъ, Словарь, 281; послѣдній оканчиваетъ свое разсужденіе этою ссылкой на Горация, очевидно, не рѣшаясь взять на свой страхъ окончательнаго рѣшенія.

скихъ пѣтихъ, которыя приводили его, ссылаясь на Горация ¹⁾); отсюда же взято и объясненіе значенія каждаго изъ актовъ, представляющее почти дословный переводъ словъ Прокоповича: „въ первомъ долженъ быть приступъ къ вещи (по Прокоповичу въ немъ предлагается *summa rei*, обыкновенно въ видѣ пролога); во второмъ самая вещь (Прокоповичъ: *res ipsa fieri incipit*; названіе этого момента дѣйствія — *epitasis*); въ третьемъ препятствія и неудобства дѣла (*impedimenta et perturbationes; catastasis*); въ четвертомъ приступъ къ концу (*accessus ad rei exitum*; это также относится къ *catastasis*); въ пятомъ самый конецъ“ (*catastrophe: res absolvitur*). Впрочемъ, и это правило, которое и само по себѣ особенною опредѣленностью не отличается, рѣзко ограничивается замѣчаніемъ: „но сей порядокъ не съ тѣмъ предписывается, дабы непременно ему слѣдовать; но болѣе зависитъ онъ отъ произволенія и хорошаго расположенія Сочинителяваго“ (стр. 29). Послѣ этихъ ограниченій остается только одно правило въ строгомъ смыслѣ, чисто внѣшняго характера; опредѣливъ *явленіе*, какъ часть дѣйствія, во время которой одинъ и тотъ же составъ дѣйствующихъ лицъ находится на сценѣ, авторъ добавляетъ: „все дѣйствующія лица уходить съ театра не должны прежде окончанія дѣйствія: но по крайней мѣрѣ одному человѣку остаться должно“. Это правило, усвоенное и ложноклассическою теоріей ²⁾, находится и въ кievскихъ руководствахъ ³⁾. Байбаковъ опустилъ еще одно правило послѣднихъ, заимствованное изъ Горация и запрещающее въ одномъ явленіи говорить болѣе, чѣмъ тремъ лицамъ. Есть еще замѣчаніе о стилѣ, который долженъ быть простымъ въ комедіи и важнымъ въ трагедіи; замѣчаніе это является выводомъ изъ того, что сказано раньше о содержаніи трагедіи и комедіи; эти положенія общи и схоластической и ложноклассической поэтикѣ ⁴⁾. Характера правила не имѣетъ далѣе указаніе, что иногда въ драмѣ употребляется хоръ; это указаніе — также наслѣдіе старой школьной поэтики; въ 4-мъ изданіи оно выпущено, а вмѣсто того введено другое, въ которомъ можно видѣть вліяніе духовной среды: „употребленіе,

¹⁾ Прокоповичъ, *lib. II*, с. 10; Горка, *lib. II*, с. 9.

²⁾ См., напримѣръ, *Voileau*, III, 412; *Batteux*, о. с., III, 34—35. *Русскій*, н с., 325.

³⁾ Прокоповичъ, тамъ же.

⁴⁾ Напримѣръ, *Voileau* говоритъ о „*style humble et doux*“ комедіи (III, 409). *Остолоповъ*, Словарь, II, 51—52; III, 304—305; *Gorka* (указ. мѣсто) говоритъ, что комедія пишется *verbis tritibus*, а трагедія—*sublimibus*.

какое нибѣ введено въ комедіяхъ и трагедіяхъ, дабы всегда содержала или помѣщала матерію любовную, не есть законъ“. Вообще можно, а для дѣтей должно сочинять драмы другаго содержанія.

Если Байбаковъ въ своихъ замѣчаніяхъ о драмѣ вообще слѣдовалъ школьнымъ руководствамъ, то въ подражаніе имъ онъ и помѣстилъ эти замѣчанія не въ началѣ, въ качествѣ общей теоріи драмы, а послѣ краткой характеристики ея видовъ. Ложноклассическія руководства говорили немало объ общихъ свойствахъ и задачахъ драмы, объ ея поучительности, о правдоподобіи, о соблюденіи трехъ единствъ; переходя къ трагедіи и комедіи, они проводили между этими двумя видами рѣзкую грань, опредѣляя и подробно характеризую чувства, возбуждаемыя ими въ зрителяхъ (состраданіе и страхъ, возбуждаемые первымъ, смѣхъ—вторую), качества и социальное положеніе дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи и комедіи, говорили о борьбѣ героя съ препятствіями или о карѣ, постигающей его за его проступокъ, и т. д. Байбаковъ стоитъ на почвѣ старыхъ школьныхъ учебниковъ, которые сводили ученіе объ общихъ свойствахъ драмы къ пемцогимъ правиламъ (нашъ авторъ, какъ мы видѣли, и ихъ не всѣ удержалъ), касающимся болѣе или менѣе внѣшнихъ приемовъ и свойствъ, вопросовъ же, выдвинутыхъ ложноклассическою теоріей, не поднимали. Понятіе „драматической“ поэзіи, обнимающей трагедію и комедію, у нихъ есть, но особой роли не играетъ (озаглавивъ всю 2-ю свою книгу: *De poesi epica et drammatice*, Прокоповичъ, однако, далѣе почти не упоминаетъ этого термина; 10-я глава 2-й книги озаглавлена: *Tragoedia, Comoedia et Tragico-comedia*; такимъ образомъ сразу вводятся лишь видовые термины). Что касается видовъ драмы, то опредѣленія трагедіи и комедіи у Байбакова почерпнуты изъ тѣхъ же старыхъ школьныхъ руководствъ: они очень близки къ опредѣленіямъ, которыя мы читаемъ у Прокоповича ¹⁾).

Я намѣренно не коснулся пока, говоря о драмѣ, еще одного пункта, въ которомъ Байбаковъ сходится съ кievскими руководствами, но рѣзко противорѣчитъ ложноклассикамъ. Хотя по пониманію Аполлоса трагедія занимается „славными мужами“, однако и въ комедіи, какъ сказано уже въ ея опредѣленіи, могутъ изображаться плохія дѣла не только „приватныхъ“, но и великихъ людей. Далѣе авторъ допускаетъ еще больше, а именно, чтобы „шутюшныя дѣла смѣшивались съ

¹⁾ Опредѣленія трагедіи и комедіи по Прокоповичу были напечатаны Н. С. Тихонравовымъ (Сочин., II, прим., 21).

важными“ (стр. 28); это смѣшеніе даетъ „смѣшанной Драмы родъ“; такія произведенія Байбаковъ называетъ „комико-трагедіями“ и „трагико-комедіями“: первый видъ „зачинается описаніемъ веселымъ, а кончается плачевнымъ“; второй „съ плачевнаго на веселомъ кончится“. Рѣзкое разграниченіе литературныхъ родовъ и видовъ, требованіе соблюденія границъ между ними и запрещеніе смѣшивать свойства одного (относящихся какъ къ содержанію, такъ и къ формѣ) съ свойствами другаго было одною изъ характерныхъ особенностей ложноклассической теоріи, и, можетъ быть, эта особенность нигдѣ не проявлялась такъ сильно, какъ въ ученіи о трагедіи и комедіи: оба эти вида противопоставались другъ другу въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, и никакихъ посредствующихъ ступеней не допускалось. Извѣстна борьба противъ строгости этого взгляда, главнымъ образомъ сосредоточившаяся вокругъ „жалостныхъ комедій“ и „иѣщанскихъ трагедій“. Борьба шла и на Западѣ, и у насъ; усердные послѣдователи ложноклассической теоріи не признавали этихъ „новыхъ и пакостныхъ произведеній“, „незаконорожденныхъ тварей“, которыя „не суть ни трагедіи ни комедіи“, и Сумароковъ печаталъ письмо, полученное имъ отъ самого Вольтера и содержащее порицаніе этихъ произведеній ¹⁾; „Словарь“ Остолопова уже въ 1821 году приводитъ выдержку изъ этого письма ²⁾; Рижскій находитъ ³⁾, что „должно согласиться съ тѣми критиками, кои не одобряютъ“ такихъ пьесъ, „бывающихъ уродливимъ смѣшеніемъ комическаго рода съ трагическимъ. Ихъ называютъ иногда драмами, иногда трагикомедіями, иногда комедіями жалостными“. Такъ и Batteux не рѣшался признать ихъ, подъ давленіемъ авторитетовъ, хотя, принципиально разсуждая, и готовъ былъ признать ихъ законность. Между тѣмъ Байбаковъ стоялъ и здѣсь на почвѣ старой школьной теоріи: „трагикомедія“ или „трагедо-комедія“ признавалась и на практикѣ и въ теоріи въ Кіевской академіи. Согласно приведеннымъ выше опредѣленіямъ трагедіи и комедіи, теорія указывала разницу между ними въ нѣсколькихъ отношеніяхъ: въ трагедіи выводятся герои, изображаются серьезные ихъ дѣянія, пишется она важнымъ стилемъ, содержаніе берется изъ исторіи; въ комедіи—humiliium personarum res risu dignae; verba trita; argumentum effingitur ⁴⁾;

¹⁾ Сочиненія Сумарокова², IV, 61—68.

²⁾ Словарь, I, 282.

³⁾ II. соч., 341.

⁴⁾ Особенно проводится эта параллель у Л. Горьки (lib. III, с. 9).

однако это разграниченіе не получаетъ характера безусловнаго правила, такъ какъ и относительно трагедіи дѣлается замѣчаніе, что содержаніе ея не непременно должно быть взято изъ исторіи, но также *finji potest* (Горка); далѣе же признается возможнымъ смѣшивать отдѣльные, указанныя выше, элементы обояхъ видовъ драматической поэзіи; отсюда получается „genus mixtum“ (такъ называютъ и Прокоповичъ и Горка; таково же названіе этихъ произведеній и у Байбакова), „cum scilicet res ridiculae et facetiae cum seriis aut tristibus, personaeque viles cum illustribus permiscentur“ (Прокоповичъ), или когда „дѣла и лица смѣшиваются“; и если въ характеристикѣ комедіи не внесены смѣшныя дѣянія великихъ особъ (какъ это уже сказано Байбаковымъ), то они всеже допускались въ этотъ „смѣшанный родъ“; примѣръ, указанный Прокоповичемъ, „Amphitruo“ Плавта, подтверждаетъ это.

Ученіе о смѣшанномъ родѣ, о трагикомедіи, входило во всѣ извѣстныя кievскія пiнтіики ¹⁾, а затѣмъ и въ составленные по ихъ образцу учебники и курсы этой науки въ великорусскихъ духовныхъ училищахъ ²⁾; такъ и на практикѣ, въ кievскихъ драматическихъ произведеніяхъ мы съ самаго перваго времени, какъ это было отмѣчено уже Н. С. Тихонравовымъ, встрѣчаемъ „смѣшеніе предметовъ высокихъ съ низкими“ ³⁾. Въ этомъ пунктѣ я усматриваю одну изъ самыхъ, если не самую характерную черту различія между нашею старою школьною литературою и ея теоріей съ одной стороны, и направленіемъ ложноклассическимъ съ другой. Именно черезъ это смѣшеніе серьезныхъ и смѣшныхъ элементовъ и вторгались въ школьную поэзію „явленія обыденной жизни“, болѣе или менѣе реальныя и жизненныя черты. Извѣстныя сцены такого характера во „Владимірѣ“ Прокоповича и въ приписываемой св. Дмитрію Ростовскому Рождественской драмѣ были бы невысказанными въ серьезномъ произведеніи ложноклассическаго театра. Къ явленіямъ того же порядка относятся извѣстныя интерлюдіи въ школьной драмѣ. Ложноклассическій театръ и его теорія приостановили развитіе этихъ элементовъ; но школьная теорія продолжала постоянно говорить о смѣшанномъ родѣ драмы, о

¹⁾ Макарій, Исторія Кievской академіи, 62—63 (указаніе на ученіе о трагикомедіи въ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ руководствъ, 1637 г.).

²⁾ Напримѣръ г. В. Колосовъ (Исторія Тверской духовной семинаріи, 89) даетъ указаніе, что „Ars Poetica“, составленная и преподаванна въ Тверской семинаріи въ 1746 году, также трактовала „о трагедіи, комедіи и трагикомедіи“.

³⁾ Тихонравовъ, Соч., II, примѣч., стр. 24.

трагикомедіи, о разнообразіи смѣшеніи серьезнаго и смѣшнаго, важнаго и низкаго, печальнаго и веселаго; учебникъ Гайбакова дожилъ въ послѣднихъ изданіяхъ до паденія и самой ложноклассической теоріи въ Россіи.

Стоя такимъ образомъ въ своихъ замѣчаніяхъ о драматической поэзіи особенно ясно на почвѣ старыхъ школьныхъ учебниковъ, авторъ разсматриваемаго руководства самъ, повидимому, не представлялъ себѣ ясно ихъ несогласія съ ложноклассической литературой. Указывая вообще въ качествѣ примѣровъ на официально признанныя произведенія русской литературы, онъ и въ данномъ случаѣ примѣры драматическихъ произведеній рекомендуетъ искать въ сочиненіяхъ Сумарокова (стр. 29). Въ 4-мъ изданіи добавлено указаніе и на Хераскова, а также и на переводы иностранныхъ сочиненій: „изъ переведенныхъ за лучшія почесть можно *Голберовы*: *Плутосъ*; *Гордость* и *бѣдность* проч.“ (стр. 59).

Послѣ объясненія драматической поэзіи авторъ переходитъ къ поэзіи „Епической“ и вообще къ тѣмъ родамъ, которые у него объединены выше понятіемъ „смѣшанной“ поэзіи. Прежде всего находимъ такое опредѣленіе: „поэзія Епическая, или *Геромическая* славныхъ мужей славныя описываетъ дѣла стихомъ Гексаметромъ съ нѣкоторою вѣроятною выдумкою“ (стр. 29). Мы уже указывали выше, что существеннаго различія между лирическою поэзіей или одою и эпосомъ авторъ не сознаетъ; главными отличіями эпоса отъ оды являются объемъ, стихотворный размѣръ (гексаметръ) и „смѣшанный“ характеръ изложенія (въ томъ смыслѣ, какой приданъ этому слову авторомъ при указаніи главныхъ родовъ поэзіи), то-есть, черты чисто внѣшнія. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что „сей родъ Поэзіи есть всѣхъ превосходнѣе“ (стр. 30). Всѣ эти замѣчанія восходятъ къ кievскимъ учебникамъ; опредѣленіе Прокоповича то же самое: *epos aeta est „poesis hexametro carmine res gestas virorum illustrium exponens, cum fictioe“*¹⁾; тѣ же учебники высказываютъ, что этотъ родъ поэзіи— „*eminet inter alias*“, „*reliquarum omnium princeps est*“²⁾; эту мысль мы находимъ и въ болѣе раннихъ сочиненіяхъ ложноклассическихъ, какъ у Буало³⁾.

¹⁾ Op. c., lib. II, c. 1.

²⁾ Ibidem, l. II, c. 8.

Горка, Op. c., lib. II, c. 8.

³⁾ D'un air plus grand encore la Poésie Epique... (L'art p., II, 160). Въ переводѣ гр. Хвостова это мѣсто передано такъ: „Всѣхъ величавѣе у эпоса ходъ“.

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько примѣчаній, частью разъясняющихъ сказанное въ опредѣленіи, частью вводящихъ нѣчто новое. Первое изъ нихъ говорить, что „шестистопный стихъ избирается согласно важности“ даннаго рода, „потому что сей стихъ есть полнѣе, важнѣе и великолѣпнѣе“. Схоластическая теорія обращала большее вниманіе на стихосложеніе, на выборъ размѣра, расположеніе риемъ и стиховъ, чѣмъ ложноклассическая; имѣя прежде всего въ виду латинскіе стихи и латинскіе образцы, теоретики послѣдовательно должны были въ качествѣ размѣра для эпопеи признать гексаметръ. Ложноклассическая теорія, развившаяся во Франціи, не говорить о гексаметрѣ; такъ и въ русскихъ, указанныхъ выше, сочиненіяхъ Рижскаго и Остолопова мы не видимъ правила о гексаметрѣ. Для Байбакова, впрочемъ, терминъ „гексаметръ“ не означаетъ специально дактило-хоремическаго гексаметра, а вообще всякій шестистопный стихъ; поэтому онъ и могъ въ примѣрѣ героической эпопеи указать „Россиаду“.

Второе примѣчаніе говорить, что эпопея имѣеть три части: „предложеніе, призываніе и изложеніе“ (стр. 30). Это пунктъ общій обѣимъ школамъ теоріи поэзи; въ ложноклассической теоріи учопіе о предложеніи и призываніи подробно развито аббатомъ *Batteux* ¹⁾, который придаетъ этимъ частямъ очень важное значеніе. Нашъ авторъ, повидимому, не цѣнитъ ихъ въ такой степени, такъ какъ (подобно тому какъ мы видѣли это и выше, въ другихъ случаяхъ) изъясняетъ въ примѣчаніи 4-мъ: „Расположеніе помннутыхъ частей не съ тѣмъ предписано, чтобы ихъ преступить нельзя было; но болѣе зависить отъ порядочнаго расположенія самаго писателя, такъ что можетъ случиться и болѣе частей, нежели здѣсь сказано, и менѣе“. Въ частности (примѣчаніе 5-е) призываніе нерѣдко можетъ отсутствовать; лишь при изображеніи священнаго событія должно быть сдѣлано призываніе Бога или святыхъ; это послѣднее замѣчаніе опять взято изъ старой пнтяки (срв. Прокоповичъ, *Ib.* II, с. 2, со ссылкою главнымъ образомъ на Тасса).

Что касается болѣе точнаго опредѣленія самаго содержанія эпопеи, то объ этомъ говорить лишь краткое примѣчаніе 3-е: „должно быть повѣствованіе просто описанное съ выдумками, отъ простой Исторіи взятыми“; замѣствуя изъ старыхъ руководствъ самыя общія замѣчанія и положенія, Байбаковъ опускаетъ ихъ разсужденія объ отношеніи

¹⁾ *Op. cit.*, II, 187—188; 286—290.

эпопей къ исторіи, о томъ, въ чемъ можетъ заключаться вымыселъ (fictio ipsius rei или только *monî, quo facta res fuerit*), правила о необходимости приписывать герою только слова и дѣйствія, свойственныя его общественному положенію и историческому значенію и т. п. (обыкновенно на основаніи Горация); такимъ же образомъ онъ по воспроизводитъ ихъ разсужденій о тропяхъ и фигурахъ, о построеніи стиха, о соответствіи предложенія и призыванія содержанию (по Горацию). Тѣмъ болѣе нѣтъ у него разсужденій теоретиковъ ложноклассическихкихъ (въ отличіе отъ школьныхъ), касающихся самаго содержанія эпопей и представляющихъ въ строгомъ смыслѣ правила, по которымъ надо строить поэтическій разказъ о важномъ историческомъ событіи: о единствѣ дѣйствія въ эпопее (которое создается тѣмъ, что герой все время стремится къ одной цѣли и борется съ препятствіями къ ея достиженію, такъ что дѣйствіе эпопей и сосредоточивается на этихъ препятствіяхъ и ихъ устраненіи), о чудесномъ элементѣ въ ней, который считается необходимымъ и лишь у рѣдкихъ теоретиковъ ¹⁾—почти необходимымъ, о свойствахъ дѣйствующихъ лицъ, о выдержанности характеровъ, о чувствѣ удивленія, которое должно вызываться эпопеей, о томъ, что сюжетъ эпопей долженъ быть взятъ не изъ новыхъ временъ и т. п. Все это не входило не только въ руководство Байбакова, но и вообще въ школьную теорію поэзіи, насколько мы можемъ о ней судить. Взглядъ на предлагаемыя правила у ложноклассическихкихъ теоретиковъ вообще болѣе строгій; лишь позднѣйшіе изъ нихъ позволяютъ немного смягчать его ²⁾.

Въ 4-мъ изданіи добавлено еще одно примѣчаніе, о раздѣленіи эпопей на пѣсни; число ихъ строго не опредѣляется: „ихъ можетъ случиться десять и болѣе и менѣе“ (стр. 61). Для примѣра въ 1-мъ изданіи указывается на сочиненія Ломоносова, а въ 4-мъ находимъ хвалебный отзывъ о Россіадѣ: „Достохвалный въ семь Поэзии родъ предложилъ примѣръ превосходныйшій изъ Россійскихъ Стихотворцевъ писатель, высокоименитый наукъ покровитель Михайло Матвѣевичъ Херасковъ въ Россіадѣ; въ сочиненіи, исполненномъ знанія и въ порядкѣ правильномъ достойномъ подражанія“ (стр. 61).

Такимъ образомъ и для эпопей въ разсматриваемомъ руководствѣ мы не находимъ правилъ въ строгомъ смыслѣ; если они и есть, то

¹⁾ Срв. разсужденія Мерзлякова въ разборѣ „Россіады“ („Амфионъ“, 1815).

²⁾ Рижскій (и. соч. 202) не считаетъ, напримѣръ, необходимымъ призыванія; предложеніе же и онъ считаетъ необходимымъ (тамъ же, 203).

касаются главнымъ образомъ внѣшней формы; правилъ же касающихся содержанія и внутреннихъ свойствъ произведенія, почти совершенно нѣтъ; къ тому же находимъ и здѣсь замѣчанія, ограничивающія строгость правила. Въ этомъ опять оказывается различіе между разбираемымъ руководствомъ и ложноклассической теоріей.

Далѣе слѣдуетъ „поезія Буколическая, или *Георическая*“. Разсужденіе автора по этому предмету выдвигаетъ, собственно говоря, только одно свойство этого поэтического рода; къ этому свойству и приурочивается данный терминъ: это—изображеніе міра деревенскаго и вообще природы; эта поэзія „приводитъ разные пастушскіе и поселенскіе разговоры“ (стр. 30). Этотъ деревенскій міръ не ограничивается исключительно пастухами: о нихъ упоминается только на первомъ мѣстѣ при перечисленіи разныхъ предметовъ, которымъ посвящаются произведенія этого рода поэзіи. Дѣйствующими лицами могутъ являться „пастушки, пастушки, жнецы, сѣнокосцы, садовники, огородники, ловчіе, собиратели винограда и плодовъ и т. п.“ (стр. 30—31). Ученія о стилѣ, которымъ должно писать такіа стихотворенія, о томъ, какія именно дѣйствія, съ какимъ исходомъ, должны быть ихъ сюжетомъ, мы не находимъ. Далѣе слѣдуетъ болѣе подробное разъясненіе уже сдѣланной раньше характеристики: *материю* буколической поэзіи составляютъ „сихъ людей дѣла, неблагополучія, жалобы, труды, печали, ссоры, пѣсенки, разговоры, похваленія и оужденія. *Вещи*: лѣса, овцы, стада, скоты, звѣри, плоды, красота, сѣни кустовъ, пенцеры, рѣкъ теченіе, источники, ручьи, и любовь; также солнце, мѣсяць, звѣзды и все что имъ больше видимо, ихъ окружаетъ“. Для ложноклассической теоріи пастухи были единственными представителями простаго народа, которыми могъ заниматься поэтъ; далѣе, она требовала непремѣнно изображенія благополучной ихъ жизни, неглубокихъ горестей (любонныхъ жалобъ), отсутствія преступленій, всегда счастливой развязки¹⁾, чтобы пастушеская жизнь являлась жизнью „дѣтей золотого вѣка“. Объ этомъ блаженствѣ жизни не говорятъ и кievскіе учебники; опредѣленіе, которое даетъ, на примѣръ, Прокоповичъ, также сближаетъ Байбакова съ нимъ: *rusticarum actionum imitatio*²⁾; далѣе Прокоповичъ говоритъ то вообще о *homines agrestes*, то частіе—о пастухахъ; у него находимъ и нѣкоторыя правила, опущенныя у нашего автора: буколическіа про-

¹⁾ См. *Batteux*, op. cit., II, 86—87.

²⁾ Op. cit., I, III, c. 1.

изведенія представляютъ разговоръ двухъ или болѣе пастуховъ, почти всегда имѣютъ аллегорическое значеніе, пишутся гексаметромъ (удобнымъ между прочимъ для передачи *сипctationis rusticae*) и должны избѣгать *verborum et sententiarum splendorem* (обычное всѣмъ руководствамъ правило о согласованіи слога съ изображаемою общественною средою). Очевидно, ученіе школьныхъ руководствъ о буклической поэзіи восходитъ къ тому времени, когда теоретики еще не опредѣляли всѣхъ подробностей содержанія того произведенія, въ которомъ поэтъ захотѣлъ бы вывести простыхъ поселянъ: характеровъ выводимыхъ лицъ, ихъ чувствъ, характера фабулы для такого произведенія и того, какъ должна она развиваться; то-есть, восходить, подобно и другимъ элементамъ школьной теоріи, ко времени, предшествующему развитію теоріи ложноклассической.

Въ заключеніе находимъ у автора замѣчаніе: „Къ сему же роду принадлежитъ *Идиллія* стихъ пастушской“. Какія въ частности особенности приписываетъ онъ „идилліи“, не выяснено; не выясняетъ этого и примѣръ изъ Сумарокова: „Пойте, птички, вы свободу...“¹⁾.

Надо думать, что понятіе „идилліи“ было почерпнуто авторомъ изъ тогдашней литературы, въ особенности изъ журналовъ, изъ которыхъ на „Полезное Увеселеніе“ ссылается и авторъ, рекомендуя искать тамъ „во многихъ мѣстахъ“ примѣровъ идилліи (стр. 31); идилліи появлялись въ подражаніе французской литературѣ; французская теорія уже признала ее, и у Буало есть ея характеристика: для него идиллія и есть вообще пастушеское стихотвореніе; школьная теорія, повидимому, этого термина не употребляла²⁾, и Байбаковъ не сумѣлъ опредѣлить отношенія идилліи къ „пастушеской поэзіи“; ложноклассическіе теоретики, Батте и его послѣдователи³⁾ стараются, хотя и не вполне успѣшно, провести болѣе или менѣе ясную границу между эклогою и идилліею, какъ видами пастушеской поэзіи; нашему автору это, повидимому, оставалось неизвѣстнымъ.

Далѣе слѣдуетъ краткое разсужденіе о „поэзіи Сатирической“, которая „приятнымъ и насмѣшливымъ образомъ исправляетъ человѣческіе пороки“ (стр. 31); далѣе дѣло болѣе поясняется указаніемъ, что „*матерія* ея, глупцы бездѣльники, плуты, моты, шалуны и подоб.“. Характеръ правила имѣеть дальнѣйшее, довольно однако

¹⁾ Сочиненія²⁾, VIII, 154—156.

²⁾ Сужу по извѣстнымъ мнѣ курсамъ.

³⁾ Напримѣръ, *Рижскій*, и. соч., 140.

неопредѣленное положеніе: „Сатира долженствуетъ быть жарка, ку-сающа, и колюща“; болѣе ясно другое наставленіе, повторяющее часто высказывавшуюся въ XVIII вѣкѣ мысль,—не писать сатиры „на лицо“: „надобно знать, что въ Сатирѣ по большой части употребляются ложныя и вымышленныя имена“. Въ 4-мъ изданіи такое осмѣяніе опредѣленныхъ лицъ называется *насквилемъ*, и прибѣгать къ нему не рекомендуется: „лучше описывать пороки въ существительномъ, а не въ прилагательномъ имени, напримѣръ, пьянство, а не пьянаго ииркѣ; гордость вообще, а не гордаго по имени“ (стр. 64). Наставленіе это школьный учебникъ преподавалъ по образцу своихъ предшественниковъ; еще въ кіевскихъ руководствахъ, служившихъ основными образцами для московскихъ, читаемъ соотвѣтствующія правила; такъ, Прокоповичъ училъ, что сатирическая поэзія должна исправлять пороки, а не оскорблять, что должно не касаться именъ или же выводить имена вымышленныя, напримѣръ, имена, обозначающія извѣстные пороки ¹⁾).

Сущность понятія сатирической поэзіи также опредѣляется близко къ Прокоповичу, по которому эта поэзія „*faceta esse debet in castigandis hominum vitiis*“. Правила о композиціи сатиры, о распредѣленіи въ ней матеріала въ старыхъ пінтикахъ также не находимъ ²⁾).

Впрочемъ въ ученіи о сатирѣ и ложноклассическіе теоретики ³⁾ не отошли далеко отъ школьной пінтики; разрабатывая по преимуществу драму, эпопею, оду и пастушескую поэзію, они также не выработали опредѣленныхъ правилъ для сочиненія сатиры; у нихъ встрѣчаемъ тѣ же мысли объ обличеніи пороковъ, о необходимости избѣгать злословія. Однако, мы находимъ у нихъ и новыя черты: сатира подводится подъ болѣе общее понятіе дидактической поэзіи; нѣмѣ въ виду содержаніе произведенія, теоретики касаются чувствъ самого сатирика и дѣляютъ сатиру на важную и забавную, смотря по основному настроенію автора: негодованію или презрѣнію и смѣху; на томъ же основаніи они меньше обращаютъ вниманія на самую форму произведенія и расширяютъ понятіе сатиры, говоря, что она можетъ быть писана различно: въ формѣ повѣствованія, письма, драмы;

¹⁾ Op. cit., lib. III, c. 1.

²⁾ Теофанъ Прокоповичъ: *partes nullas habet, sed ad arbitrium suum, quae proponerit poeta, illa tractat.*

³⁾ См., напр., *Battoux*, op. cit., III, 345 sqq.

Рижскій, н. соч., 285 сл.

Остолоповъ, Словарь, III, 76 сл.

впрочемъ, признають, что лучше всего ей быть въ формѣ дидактической, то-есть, въ формѣ обличительнаго описанія существующихъ на самомъ дѣлѣ явленій, безъ поэтическаго смысла, а только съ поэтическими украшениями ¹⁾). Только въ послѣднемъ болѣе, узкомъ, смыслѣ понимаютъ очевидно „сатиру“ школьные теоретики.

У нашего автора указанныхъ подробностей ложноклассической теоріи сатиры также нѣтъ. Въ качествѣ примѣра указываются сочиненія Кантемира, а въ 4-мъ изданіи добавлено указаніе на „Полезное Увеселеніе“, и, кромѣ того, приводится изложенное стихами наставленіе учителя поэзін, задающаго ученикамъ духовной школы упражненіе на сатирическую тему ²⁾).

¹⁾ *Battoux*, о. с., III, 351; срв. 325—326, 334.

²⁾ Привою это любопытное наставленіе. „Въ 1779 году, говоритъ авторъ, въ Даврѣ Пѣтлическимъ Учителемъ назначена была для сочиненія Сатиръ задача слѣдующая:

Сатира пишется не прозой, но стихами,
При остроумъ замыслѣ съ пристойными словами.
Сокрытымъ образомъ должна вороговъ ругать,
Бездѣльниковъ, глупцовъ разумно исправлять.
И есть ли вы теперь писать ее хотите,
Порочныхъ за предметъ въ матерію возьмите:
Коснитесь глѣности, браните долгой сонъ,

(Сколь вредонъ онъ,
Подробно изъясните,

И въ точности дѣла глѣныхъ оняшите.
Примѣромъ: какъ они валятся на кровать,
И не раздѣвшись не въ пору лягутъ спать;
По утру вставъ глѣваютъ,

И снова засыпають;

Или когда со сна глазами не глядятъ,
Да тотчасъ и ѣдятъ;

И рожу не умывъ, какъ чучалы сидятъ.
А можете еще и болтуновъ коснуться;
Но такъ, чтобъ можно нивъ отъ глупости проснуться.

Не разгляда,
Не разсуда,

Сороки по избамъ, летая какъ стрекоучуть;
Такъ и они блекоучуть.

На кровлю вспрыгнувши, какъ рѣвая коза,
Не зпя, какъ скочить, потунить въ низъ глаза,

Спрыгнуть желаетъ,
Кричить,
Вопить,

Наконецъ, авторъ говоритъ о поэзіи „эпистолярной“; этотъ терминъ относится къ формальному признаку и усваивается всякимъ стихотвореніемъ, изложеннымъ въ формѣ письма, допуская всякое содержаніе: эта поэзія „изображаетъ все то въ стихахъ Пятичеськимъ духомъ и образомъ, что пишется въ письмахъ прозою отсутствующими къ отсутствующимъ“. Сообразно тому она можетъ трактовать различные сюжеты: „бываютъ Епистолы любовныя, правоучительныя, и проч.“. (стр. 31). Впрочемъ, „по нынѣшнему обыкновенію по большей части“ такая форма служитъ для выраженія похвалы какому нибудь лицу, предмету, событію. Въ этомъ расположеніи автора къ похвальнымъ сюжетамъ, которое видно было и въ другихъ, выше разсмотрѣнныхъ, мѣстахъ учебника, отражается, кажется мнѣ, изстари господствовавшая въ духовной школѣ любовь къ похвальнымъ стихотвореніямъ и всякаго рода панегиристическимъ произведеніямъ. Все это мѣсто заимствовано изъ характеристики родовъ поэзіи, находящейся въ „Способѣ“... Тредіаковского ¹⁾, но замѣчаніе о преобладаніи похвальныхъ епистолъ принадлежитъ самому Байбакову. Что касается старой школьной теоріи, то она объ эпистолярной поэзіи не говорила.

За ученіемъ о „эпистолярной поэзіи“ слѣдуетъ у Байбакова перечисленіе еще нѣсколькихъ родовъ поэзіи. Авторъ сообщаетъ о нихъ въ качествѣ добавленія къ изложенному выше: „Есть также и другіе роды Поэзіи: какъ-то“... (стр. 32). Названія всѣхъ этихъ

Хозяина итти себя снять принуждаетъ.

Подобно можете и рѣзвость описать:

Вы знаете, какъ рѣзвой закружится,

Сюда, туда вертится,

То бѣгая поетъ,

Или въ ладоши бьетъ,

Или другихъ толкаетъ.

И въ яму, какъ овца, прыгнувши попадаетъ.

Сверхъ шалуновъ такихъ и сказанныхъ дѣтницовъ

Коснуться можете мотовъ или горделинцовъ,

Иль тѣхъ, кому не стать

Стихи писать;

Ученыхъ дураковъ,

Или подобныхъ имъ: пьянцовъ и шалуновъ.

Колючею вы ихъ Сатирой опишите,

И въ среду мнѣ свою зачуду подадите“. (Стр. 75—76).

¹⁾ Соч. и переводы, I, 147.

родовъ заимствованы (въ большемъ или меньшемъ сокращеніи) изъ Тредіаковскаго, именно изъ 7-й главы его „Способа...“, носящей заглавіе: „О разныхъ поэмахъ, стихами сочиняемыхъ“. У Тредіаковскаго всѣ эти роды перечислены на ряду съ эпическимъ, буколическимъ, драматическимъ и т. п., такъ что вся поэзія раздѣляется у него на 23 рода. Академикъ М. И. Сухолиновъ, указавшій вообще на зависимость Байбакова отъ Тредіаковскаго съ одной и отъ старинныхъ латинскихъ школьныхъ учебниковъ съ другой стороны, говоритъ о заимствованіи первымъ у второго и ученія о раздѣленіи поэзіи¹⁾. Ближайшее сличеніе руководства Байбакова съ его источниками указываетъ, что Байбаковъ заимствовалъ у Тредіаковскаго ученіе о тѣхъ вещахъ, о которыхъ не говорила школьная теорія; въ другихъ случаяхъ онъ обращался къ послѣдней, а потому, какъ выше указано, въ отдѣлахъ объ эпическомъ, лирическомъ, драматическомъ и т. п. родахъ поэзіи онъ во многомъ отстаетъ отъ Тредіаковскаго. И въ данномъ случаѣ онъ, повидимому, выписалъ изъ разсужденія послѣдняго такія свѣдѣнія, которыхъ не давали ему школьныя руководства, о тѣхъ „родахъ“, которыхъ не упоминали послѣдніе. По своему панегирическому и поздравительному характеру эти „роды“ поэзіи подходили впрочемъ ко вкусамъ нашей духовной школы. Такова, напримѣръ, поэзія „Генетлическая, съ днемъ рожденія пріивѣтствующая; Епиталамическая, брачнымъ сочетаніемъ поздравляющая. *Анобитерическая*, которою прощаются съ отъѣзжающими въ путь остающіеся на мѣстѣ. *Епібатерическая*, которою возвратившіеся изъ пути благодарятъ Бога. *Пропемтическая*, которою провождающіе отъѣзжающимъ желанія приносятъ. *Синхаристическая*, кою поздравляютъ возвратившихся въ отечество, или прибывшихъ гостей. *Епиническая*, кою пѣты побѣдителя неприятели поздравленіе приносятъ. *Сатирическая* пріивѣтствуетъ слобожденіемъ отъ тяжелой болѣзни. *Епидиктическая* или *Панегирическая*, кою похваляются добродѣтели и славныя дѣла. Евхаристическая, которою благодаренія за благодѣяніе приносятся. *Еоническая*, поздравляющая прошествіемъ цѣлаго вѣка и описывающая бывшія приключенія. *Сколлистическая* или *Симпосіастическая* возносятъ и прославляетъ великолѣпный пиръ. *Просевахтическая*, кою Бога молимъ, или обѣты творимъ, или у высочайшихъ лицъ просимъ“ (стр. 32). Отличіе Байбакова отъ Тредіаковскаго заключается въ данномъ случаѣ въ томъ,

¹⁾ Исторія Россійской Академіи, I, 204—205.

что въ этихъ родахъ онъ не видитъ вполне новыхъ категорій: повторяя ихъ со словъ своего руководителя, онъ замѣчаетъ: „Но такіе всѣ Поезіи виды отнесены быть могутъ къ прежде положеннымъ, какъ-то къ Елегіической, Лирической, Комической и проч.“¹⁾ Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ такая оговорка сдѣлана и Тредіаковскимъ²⁾, у Байбакова она распространена на всѣ эти роды. Интересно, что здѣсь же, кромѣ поздравительныхъ и привѣтственныхъ стихотвореній, находимъ у Байбакова еще два рода поэзіи: „*Дидактическую*, предписывающую правоучительныя, естественныя и художественныя правила“, — и „*Апологетическую*; сія бываетъ повѣствованіемъ разговаривающихъ между собою лицъ и бездушныхъ тварей, для исправленія человѣческихъ правовъ, изкорененія и обличенія злоправныхъ“. Дѣйствительно, школьныя старыя руководства не упоминали этихъ (двухъ) отдѣловъ, и Байбаковъ, позаимствовавъ ихъ у Тредіаковского, не видѣлъ въ нихъ особой надобности, находя, что ихъ можно подвести подъ указанные выше. Ложноклассическая теорія эти категоріи знала; дидактическая поэзія являлась для нея родовымъ понятіемъ, подъ которое подходили и сатира и эпистола³⁾; съ аполога или басни Батте начиналъ свою характеристику видовъ поэзіи; впоследствии, когда выработалось понятіе эпической поэзіи, какъ одного изъ трехъ или четырехъ (считая дидактическую поэзію) главныхъ родовъ, басня считалась однимъ изъ ея видовъ⁴⁾.

Собственно теорія русскаго стихотворства въ разсматриваемомъ руководствѣ здѣсь оканчивается. Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ, писанный по-латыни и представляющій, подъ заглавіемъ: *De carminibus usitatoribus in lingua latina* (стр. 33—40), — ученіе о латинскомъ стихосложеніи, о главнѣйшихъ видахъ латинскихъ стиховъ и строфъ. Глава эта очевидно приспособлена была къ потребностямъ преподаванія въ Академіи и вообще въ духовной школѣ и имѣетъ въ виду школьныя упражненія въ латинскомъ стихотворствѣ. Приводятся правила латинской просодіи, касающіяся свойствъ употребительныхъ латинскихъ стиховъ (гексаметра, пентаметра, гликонейскаго, асклепиадова и др.) и строфъ (сафической и т. д.); нѣрѣдки ссылки на просодію „*insignis-*

¹⁾ Напримеръ, о „панегирической“: „Она есть какъ Героическая, такъ и Лірическая“ (Соч. и перев., 150); то же сказано о „схолистической“, „эпической“; объ „эпиграмической“: „она есть и лірическая“.

²⁾ *Battheuz*, о. с., III, 340, 417. Срв. *Рижскій*, и. соч., 67, 284—285.

³⁾ Такъ у русскаго переводчика Батте; срв. *Рижскій*, и. соч., 106 сл.; *Остологовъ*, Словарь, III, таблица, стр. XI.

simi Vossii⁴, главный источникъ автора въ данномъ отдѣлѣ. Только этотъ отдѣлъ изложенъ авторомъ по-латыни; прочіе—по-русски.

Первое изданіе „Правилъ“ этимъ оканчивается. Позднѣе Байбаковъ не удержался и добавилъ, хотя и въ краткомъ видѣ, отдѣлъ о стихотворныхъ фокусахъ, слѣдуя вкусамъ и обычаю школы: разсужденіе о нихъ мы находимъ во всѣхъ извѣстныхъ курсахъ школьной пѣтики¹⁾; исключеніе представляли курсы: Теофана Прокоповича²⁾, который сознавалъ ихъ нелѣпость, и гораздо позднѣе—Георгія Колинскаго. Отношеніе Байбакова къ этимъ „курьезнымъ стихотвореніямъ“ дастъ, повидимому, право думать, что во второй половинѣ XVIII вѣка имъ не придавалось уже такого значенія, какъ прежде. Однако, полное ихъ исключеніе, повидимому, школьнымъ цѣлямъ еще не соответствовало, и авторъ пополнилъ позднѣе пропускъ, допущенный имъ въ 1-мъ изданіи, подобно тому какъ Лаврентій Горка, подражатель Теофана, хотя и видѣлъ въ этихъ упражненіяхъ laboriosas pugas, однако пространно разсуждалъ о нихъ, уступая вкусамъ „своего времени“. Но все-таки Байбаковъ выдѣлялъ эти разсужденія изъ главной части своего руководства, помѣстивъ ихъ въ концѣ, въ заключеніе отдѣла о латинскихъ стихотвореніяхъ, тогда какъ главная часть посвящена русскому стихотворству и писана по-русски. Кажется, въ области этого рода упражненій всегда господствовалъ латинскій языкъ, и потому данное разсужденіе является у Байбакова, какъ часть отдѣла „De carminibus usitatoribus in lingua latina“; примѣры приводены также только латинскіе. Въ этой „poesis curiosa“ онъ отличаетъ слѣдующіе виды: acrostichon, onomasticon et paroemiacum; aenigmaticum; aequidicum; aequivocum; alphabeticum seu pangrammaton; anagrammaticum; arithmeticum; antithetum; brachicolon seu monosyllabicum; cabalisticum; cancrinum seu retrogradum; centaurium; chronologicum seu chronostichon; correlativum seu parallelum et parallelomon; dirhythmicum seu leoninum; echronicum; epomonion seu metatheticum; genealogicum; gryphicum seu lagorythmicum; intercalare; macrologum; paronomasiacum; silonianum³⁾ (стр. 76—79). Наконецъ,

¹⁾ Изъ курсовъ, преподанныхъ въ сѣверно-русскихъ школахъ, мнѣ извѣстно указаніе на пѣтику Тверской семинаріи: „Phoebus poeticus“..., относящуюся ко времени Анны Іоанновны (В. Колосовъ, в. соч., 79).

²⁾ Срв. Н. С. Тихомировъ, Сочиненія, II, 150—151; П. О. Морозовъ, Теофанъ Прокоповичъ, 97—99.

³⁾ Останавливаться на всѣхъ этихъ видахъ представляется излишнимъ, тѣмъ болѣе, что общее понятіе о нихъ было дано не разъ; см., напримеръ, Н. И. Петровъ, в. соч. Т. К. Д. Ак., 1866, 7, 320—4.

добавлено указаніе еще на „*carmina iocosa*“, стихи, содержащіе остроты (стр. 79—80), съ указаніемъ источниковъ остроты (она получается *ab ambiguitate vocis, a contradictoriis* и т. п.); изъ извѣстныхъ мнѣ руководствъ нѣкоторымъ указаніямъ Байбакова есть соотвѣтствіе въ разсужденіяхъ Теофана Прокоповича объ источникахъ „*argutiae*“ въ эпиграммахъ (lib. III, с. 6); въ качествѣ примѣровъ нерѣдко, подобно Теофану, Байбаковъ указываетъ эпиграммы Марціала.

Разборъ „Правилъ Пиитическихъ“ Байбакова показываетъ, что они болѣе всего связаны съ старыми пиитиками духовныхъ школъ, и что, стало быть, традиціи послѣднихъ сохранялись до пачала XIX вѣка въ извѣстной средѣ; такимъ образомъ взгляды на поэзію, выработанныя схоластическою теоріей и идущіе изъ Кіевской академіи, усвоившей ихъ впервые русской литературѣ, жили и на сѣверѣ Россіи. Взгляды эти представляютъ извѣстное отличіе отъ теоріи ложноклассической, усвоенною съ половины XVIII вѣка свѣтскою русскою литературой. Учебникъ Байбакова, опубликованный въ печати и пользовавшійся извѣстною популярностью, могъ содѣйствовать распропагандѣ этихъ взглядовъ. Вѣрность схоластической теоріи въ отличіе отъ ложноклассической со стороны Байбакова прежде всего видна въ томъ, что онъ болѣе говоритъ о внѣшней формѣ стихотвореній, о стихосложеніи; говоря о свойствахъ поэзіи и ея родовъ и видовъ, онъ также останавливается въ гораздо большей степени на этой сторонѣ дѣла, сводя къ стихотворной формѣ почти всю сущность поэзіи, основывая на такомъ же внѣшнемъ признакѣ дѣленіе поэзіи на главные роды и въ ученіи объ отдѣльныхъ видахъ выдвигая главнымъ образомъ внѣшнія черты; тѣ его положенія, которыя можно дѣйствительно назвать „правилами“, также касаются по преимуществу внѣшней формы. Внутреннія свойства и значеніе поэзіи и отдѣльныхъ ея видовъ, уяснить которыя старалась ¹⁾ поэтика ложноклассическая, слишкомъ мало или вовсе не принимаются въ расчетъ нашимъ авторомъ; даже различіе между поэзіей, какъ изображеніемъ объективнаго, внѣшняго для поэта міра, и какъ изображеніемъ міра внутренняго, на которомъ поэзія было основано различіе эпической и лирической поэзіи, у него отсутствуетъ, какъ и у его предшественниковъ. Въ ученіи о родахъ и видахъ поэзіи ложноклассическая теорія глубже и ближе всматривалась въ извѣстные ей образцы поэтического творчества, приводила въ сознаніе различныя ихъ свойства и въ силу этого не мало сдѣлала для

¹⁾ Другой вопросъ, насколько удачно она ихъ уясняла.

изслѣдованія и объясненія поэзіи, ея формъ, свойствъ и значенія; она уже не могла заниматься, подобно школьнымъ руководствамъ, чисто внѣшними сочетаніями буквъ и стиховъ, которымъ отдаетъ дань вниманія и Байбаковъ. Но здѣсь была и отрицательная сторона ложноклассической теоріи: вводя въ свою систему гораздо больше различныхъ признаковъ и свойствъ литературныхъ произведеній, и при томъ признаковъ болѣе существенныхъ и важныхъ, она подвергала ихъ строгой регламентаціи, распредѣляя ихъ по рѣзко и точно разграниченнымъ рубрикамъ и категоріямъ. Такимъ образомъ регламентація простиралась на самыя существенныя стороны творчества, касаясь всего построенія произведенія, характера дѣйствій и чувствъ, въ немъ изображаемыхъ, людей, въ немъ выводимыхъ, и т. п.; обусловленный этимъ крайне стѣснительный характеръ этой теоріи и былъ причиною столь долгой и упорной борьбы противъ нея. Схоластическая пѣтика была вредна для ума и развитія учениковъ своимъ крайне неглубокимъ содержаніемъ и внѣшнимъ направленіемъ, но сообразно тому она и ограничивалась болѣе внѣшними правилами; система формъ поэзіи выработана еще въ очень слабой степени; отсюда мы встрѣчаемъ въ схоластической пѣтикѣ меньшую строгость въ установленіи поэтическихъ родовъ и видовъ, границы между которыми ложноклассическая теорія строго опредѣляла и не позволяла нарушать; я указывалъ выше особенно на признаніе схоластическою теоріей посредствующаго вида между трагедіей и комедіей. Въ результатѣ для таланта, еслибы таковой появился, для новыхъ начинаній въ области поэтическаго искусства — схоластическая теорія могла бы предоставить больше свободы; и тѣ здоровыя задатки, которые исторія уже отмѣтила въ области драматическихъ произведеній, сочинявшихся въ Киевской академіи или ея выходцами, подтверждаютъ это предположеніе. Въ школьныхъ курсахъ пѣтики такое направленіе продолжаетъ существовать долго, и руководство Байбакова также не даетъ стѣснительныхъ правилъ относительно существенныхъ сторонъ поэческаго творчества, теорію родовъ и видовъ поэзіи представляетъ еще въ невыработанномъ видѣ, не проводитъ безусловно рѣзкихъ границъ между отдѣльными видами, терпимѣе ложноклассиковъ относится къ смѣшенію видовъ и появленію посредствующихъ формъ, давая санкцію трагикомедіи, такой формѣ, къ которой наиболѣе отрицательно относилась ложноклассическая теорія; и вообще по отношенію къ новымъ, не утвержденнымъ еще кодексомъ правилъ, явленіямъ, сказывается отсутствіе или по крайней мѣрѣ слабость предубѣжде-

нія; и я готовъ тотъ радушный пріемъ, который оказалъ Байбаковымъ народной пѣснѣ, поставить въ связь съ указанною чертою схоластической піитики. Припомнить слѣдуетъ и то, что нашъ авторъ нерѣдко предоставляет дѣло „произволенію сочинителю“. Будучи къ тому же очень краткимъ и воспользовавшись далеко не пѣтмъ матеріаломъ своего главнаго источника, старой школьной піитики, рассматриваемое руководство еще меньше извѣстныхъ намъ латинскихъ піитикъ касается вопросовъ, связанныхъ съ содержаніемъ, и дать еще меньше правилъ, относящихся къ внутренней сторонѣ дѣла.

Схоластическая и ложноклассическая теоріи имѣютъ, конечно, между собою немало общаго, особенно въ основномъ взглядѣ на поэзію, какъ на продуктъ технического умѣнья и ловкости, какъ на дѣло, которому можно научиться изученіемъ правилъ и образцовъ, почему и казалось возможнымъ писать по внѣшнему побужденію, на какой угодно случай, въ какомъ угодно „родѣ“. Но за этою чертою сходства оказывается и различіе, которое мы могли наблюдать и на примѣрѣ нашего учебника. Различіе это въ основной сущности—историческое: оба направленія имѣютъ свое начало въ различныхъ моментахъ историческаго развитія искусственной теоріи поэзіи.

Указать опредѣленно на какойнибудь школьный курсъ піитики, служившій по преимуществу источникомъ для Байбакова, весьма трудно, потому что, во-первыхъ, эти курсы недостаточно еще извѣстны, а, во-вторыхъ, насколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, они очень похожи одинъ на другой. Такимъ образомъ, какъ на общій источникъ Байбакова, мы можемъ указывать на традицію школьнаго преподаванія піитики, идущую изъ Кіевской академіи.

Существенное отличіе рассматриваемаго руководства отъ другихъ извѣстныхъ школьныхъ курсовъ заключается въ томъ, что оно писано по-русски, что авторъ примѣняется къ русскому языку и стиху и считается съ наличнымъ состояніемъ русской литературы, изъ которой беретъ и свои примѣры. Этимъ завершилось обрусѣніе данной школьной дисциплины, которое происходило исподволь въ духовныхъ школахъ въ теченіе всего XVIII вѣка.

Это вниманіе къ русской поэзіи заставило автора дать теорію тоническаго стихосложенія, за которою онъ обратился къ новому источнику, Тредіаковскому. Изъ его сочиненій онъ сдѣлалъ и другія заимствованія, правда, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчили основному духу или уже готовымъ положеніямъ схоластической теоріи. Наконецъ, кое-какія черты заимствовалъ онъ изъ разныхъ мѣстъ, изъ

ходячихъ, можетъ быть, установившихся уже ложноклассическихъ воззрѣній, изъ журнальныхъ статей; онъ считался и съ литературною практикой, особенно произведеніями, печатавшимися въ журналахъ. Это до нѣкоторой степени сближаетъ его учебникъ съ ложноклассическою теоріей; но вообще онъ дѣлалъ такія замѣтованія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они служили дополненіемъ школьной теоріи; въ случаяхъ же противорѣчія онъ (какъ въ вопросѣ о трагикомедіи) оставался вѣренъ послѣдней ¹⁾.

А. Кадлубовскій.

¹⁾ Такимъ образомъ нашъ авторъ стоитъ до нѣкоторой степени между обоими направленіями теоріи поэзіи; *Н. Я. Петровъ* слишкомъ смѣшиваетъ его съ авторами школьныхъ піятекъ, заимствуя изъ него нѣкоторыя выдержки для характеристики школьной теоріи, хотя иногда въ данномъ мѣстѣ слѣдуетъ видѣть вліяніе на Байбакова совершенно другаго источника, напримѣръ, въ ученіи о сонетѣ и рондо, какъ видахъ эпиграммы (Гр. К. Д. А., 1866, 11, 344).

СОДЕРЖАНІЕ
ТРИСТА-ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
(іюль и августъ 1899 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именные Высочайшіе указы, данныя Правительствующему Сенату.

	СТРАН.
25-го іюня 1899 года	33
10-го іюля 1899 года	—

Высочайшія повелѣнія.

1. (29-го марта 1899 года). О зачетѣ служащимъ и служившимъ въ Нижегородскомъ Кулибнскомъ ремесленномъ училищѣ службы ихъ съ 26-го іюня 1889 года	4
2. (29-го марта 1899 года). Объ учрежденіи въ гор. Самаркандѣ мужской четырехклассной прогимназіи и объ утвержденіи штата означенной прогимназіи	5
3. (29-го марта 1899 года). О примѣненіи къ Аренбургской гимназіи общаго устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года	8
4. (22-го февраля 1899 года). Объ учрежденіи при Пушкинскомъ реальномъ училищѣ трехъ стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича	33
5. (22-го февраля 1899 года). Объ опредѣленіи врача при Митавскомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ 1-го разряда	34

6. (29-го марта 1899 года). Объя открытій въ гор. Александровскѣ средняго механико-техническаго училища и объ утвержденіи штата названнаго училища	—
7. (3-го мая 1899 года). Объя учрежденіи званія корреспондентовъ музея Императорской Академіи Наукъ по антропологии и этнографіи .	38
8. (10-го мая 1899 года). О правахъ по отбыванію воинской повинности учениковъ С.-Петербургскаго училища для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій	—

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

21-го мая 1899 года	11
1-го іюня 1899 года	12
11-го іюня 1899 года	13
21-го іюня 1899 года	39
24-го іюня 1899 года	41
1-го іюля 1899 года	42
9-го іюля 1899 года	51

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (10-го мая 1899 года). Циркулярное предложеніе господину попечителю учебнаго округа	14
2. (5-го іюня 1899 года). Циркулярное предложеніе господину попечителю учебнаго округа	15
3. (14-го апрѣля 1899 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго потомственнаго почетнаго гражданина Василя Александровича Федосѣева при Валуйскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ . . .	16
4. (21-го апрѣля 1899 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго старооскольскаго 2-й гильдіи купца Владиміра Васильевича Игнатова при Старооскольскомъ городскомъ училищѣ	17
5. (26-го апрѣля 1899 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Кубе при Читинской женской гимназіи	18
6. (30-го апрѣля 1899 года). Положеніе о стипендіи имени умершей жены курганскаго городского головы Анны Ивановны Шветовой при Курганской Александровской женской прогимназіи	19
7. (30-го апрѣля 1899 года). Положеніе о пяти стипендіяхъ Архангельскаго городского общественаго банка при Архангельскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 г.	20
8. (4-го мая 1899 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго дворянина Екаторинославской губерніи Верхнедѣйровскаго уѣзда статскаго совѣтника Александра Николаевича Поля при Екатеринбургскомъ реальномъ училищѣ	21

9. (4-го мая 1899 года). Положеніе о стипендіи имени Викторіи Сохаржевской при Кіевской женской гимназіи	22
10. (15-го мая 1899 года). Положеніе о капиталѣ имени бывшаго предсѣдателя Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, дѣствительнаго статскаго совѣтника Николая Владиміровича Римскаго-Корсакова при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи	23
11. (17-го мая 1899 года). Положеніе о стипендіи имени жены астраханскаго купца Евлампіи Георгіевны Масловой при Астраханскомъ реальномъ училищѣ	24
12. (31-го мая 1899 года). Положеніе о стипендіи Имени Императора Александра II при Виленскомъ реальномъ училищѣ	—
13. (8-го мая 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго законоучителя Веневскаго городскаго, по положенію 31-го мая 1872 года, трехкласснаго училища, священника Арсеніи Ивановича Каменскаго при означенномъ училищѣ	52
14. (17-го мая 1899 года). Положеніе о стипендіи имени поэта Александра Сергѣевича Пушкина при Таращанскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ	53
15. (31-го мая 1899 года). Положеніе о стипендіи имени братьевъ: дѣствительнаго статскаго совѣтника Платона Ивановича, статскаго совѣтника Якова Ивановича и коллежскаго ассесора Василія Ивановича Довголевскихъ при Новгородъ-сѣверской мужской гимназіи	54
16. (1-го іюня 1899 года). Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ завѣщанный Н. И. Богомоловымъ	55
17. (1-го іюня 1899 года). Положеніе о преміи имени Н. И. Богомолова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	—
18. (1-го іюня 1899 года). Положеніе о стипендіи имени почетнаго гражданина астраханскаго 1-й гильдіи купца Харитона Ефремовича Ефремова при Астраханской мужской гимназіи	56
19. (3-го іюня 1899 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени бывшаго военнаго губернатора Приморской области генераль-лейтенанта Павла Федоровича Унтербергера при Владивостокской мужской гимназіи	57
20. (12-го іюня 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Парфентьевича Дегтерева при Кіевскомъ реальномъ училищѣ	58
21. (28-го іюня 1899 года). Циркулярное предложеніе господину попечителю учебнаго округа	59

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ 25 и 61**

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ 29 и 61**

Определенія отдѣленія ученаго комитета министерства на-
роднаго просвѣщенія по техническому образованію. 31 и 65

Открытіе училищъ 32

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. Васильевъ. Византійско-арабскія отношенія въ царствованіе Михаила III (842—867)	1
П. И. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (<i>продолженіе</i>)	56 и 404
А. Д. Вейсманъ. Замѣтки къ исторіи русской грамматики	106
Л. В. Рутковскій. Критика методовъ индуктивнаго доказатель- ства	128
А. П. Кадлубовскій. „Правила пѣтическихкія“ Аполлоса Бай- бакова	189
Н. Я. Марръ. Къ вопросу о задачахъ арменовѣдѣнія	241
Л. Ю. Шенелевичъ. Драматическія произведенія Сервантеса	277
А. А. Спицынъ. Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археоло- гическимъ даннымъ	301
И. И. Лапко. Подкоморскій судъ въ великомъ княжествѣ Ли- товскомъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка	341
Всев. О. Миллеръ. Къ былинамъ о сорока калыкахъ со ка- лыкою	464

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. К. Петровъ. Одинъ изъ „идеальныхъ“ героевъ	251
Н. Н. Дебольскій. <i>Серый Шумаковъ</i> . Угличскіе акты (1400— 1749 гг.). М. 1899	263
П. Д. Чочулинъ. Архивъ кн. Ф. А. Куракина. Книги V, VI, VII, VIII. Саратовъ. 1894—1899	501
П. Е. Казанскій. <i>И. Я. Гурлинъ</i> . Идея патроната, какъ идея внутренняго управленія. Ярославль. 1898	417
Н. В. Ястребовъ. Památník na oslavu padesátiletého jubilea Jeho Veličstva císaře a krále Františka Josefa I. Vědecký a umělecký roz- voj v národě českém 1848—1898. Vydala Česká akademie cesáře Františka Josefa pro vědu, slavnost a umění. V Praze. 1898	533
В. И. Перетцъ. <i>И. А. Шлякинъ</i> . Царевна Наталья Алексѣевна и театр ея времени. 1898	538
Книжныя новости	267 и 54

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наша учебная литература	1 и 13
-----------------------------------	--------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Московский Публичный и Румицевскій музей въ 1898 года	1
Н. В. Ястребовъ. Чешская Академія Наукъ	6
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	16
И. М. Гревсъ. Василій Григоріевичъ Васильевскій, какъ учитель науки	27

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Ө. Ө. Соколовъ. Въ области древней исторіи	1
М. М. Покровскій. Цитаты изъ Вергилія въ латинскихъ glossariis	15
А. Ө. Эрманъ. Изъ области древне-греческой географической ономастологии	33
Вяч. И. Ивановъ. Первая пиндійская ода Пиндара	18 и 49
Ф. Э. Видеманъ. О началѣ греческой письменности (<i>окончаніе</i>)	57

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 по 1891 годъ (л. 27)	417
---	-----

ОВЪЯВЛЕНІЯ.

